

Михаил Книжник

Записная
Книжка

Записная Книга

Михаил Книжник

МИХАИЛ КНИЖНИК. ЗАПИСНАЯ КНИГА

Михаил Книжник

ЗАПИСНАЯ КНИГА

ИЕРУСАЛИМ 2017

БИБЛИОТЕКА «ИЕРУСАЛИМСКОГО ЖУРНАЛА»

© Михаил Книжник – текст, 2017

© Вениамин Клецель – рисунки, 2017

Графика – Владимир Попов

Корректурa – Галина Культиасова

Редактор серии – Игорь Бяльский

ISBN 978–965–92612–9–1

*Блокноты, тетради, записные книжки –
...название уже давно существующего
и все еще нового, то есть формально
не узаконенного литературного жанра.*

Андрей Платонов

ОТ АВТОРА

Эту книгу я пишу всю жизнь и буду писать, пока буду писать.

Первый том завершился в 1995 году, когда для нашей семьи закончился ташкентский её период и начался иерусалимский. Это не значит, что во втором томе нет Ташкента. Впрочем, в первом томе было уже немало Израиля: ведь меняются только декорации, а спектакль идет все тот же.

Первый том публиковался неоднократно, целиком и по частям. Между 1995-м и 2010-м вырос второй том. И если между первым и вторым томом изменились внешние обстоятельства, то от второго к третьему – изменился я сам. Поэтому и возникла необходимость продолжить деление на тома.

Том первый

— . —

Он – интеллигентный человек, он твердо уверен, что диктор Левитан приходится сыном художнику Левитану. Он про них так и говорит: отец и сын Левитаны.

— . —

Я делаю вид, что собираю хлопок. В соседнем ряду делает вид Райка Барская, попутно рассказывает сквозь хлопковые кусты:

– ...Несчастливая женщина, столько горя врагам не желаю. Муж бросил. Единственный сын немножко того, и что ты думаешь, она его женила на бабе с приветом, у них родился ненормальный ребенок, прожил полгода, а потом ему поставили памятник, людям в пятьдесят лет такие не ставят...

– Райка, – перебиваю я ее, – ты – Бабель?

— . —

Когда советская власть выкидывала очередной фортель – принимала ли запрещающий указ, после которого запрещаемое начинало небывало колоситься, или поощряющее постановление, после которого начисто пропадало поощряемое, – мой отец говорил:

– Тачанка.

Еще до войны в пульсирующей полутьме провинциального кинозала он, пионер и ворошиловский стрелок, свято веривший, что если посмотреть в восемнадцатый раз, Чапаев выплывет, все же никак не мог взять в толк, отчего в фильмах про гражданскую тачанки едут вперед, хотя их колеса вертятся в обратную сторону. Так пробежала первая трещина недоверия между отцом и советской властью.

— . —

Надпись на надгробном памятнике: «Спи спокойно от жены и детей».

— . —

Ташкентский мединститут, первая половина 80-х. Лекции по хирургии читает доцент Хаджибаев.

Язвенная болезнь, холецистит, панкреатит. Сначала он излагает историю вопроса: кто когда описал, кто как оперировал.

Потом Мумин Хаджибаевич обычно говорил:

– У нас в России эту операцию впервые сделал...

И ведь никто не смеялся.

— . —

Лекция по хирургии. Доцент Хаджибаев:

– Французы говорят: щитовидная железа делает женщину: и внешность, и конфигурацию, и... – он пошевелил в воздухе пальцами, – консистенцию.

— . —

Военно-морские свинки.

— . —

В холле клиники идет ремонт, всюду мусор, леса, козлы. Преподаватель ведет нас, студентов, через холл, через хлам – в клинику. Он критически оглядывает нас и говорит: «Колпачки наденьте». Шукурыч идет сзади и, высоко задирая ноги в тапках, недовольно бурчит:

– Каски здесь нужно надевать, а не колпачки.

— . —

Лекция по гинекологии, тема – бесплодие:

– ...И когда женщина забеременеет с вашей помощью, вы испытаете большое удовлетворение.

— . —

В трамвае пахло послепразднично – перегаром и салатом оливье.

— . —

Диагноз:

«Фурункул юго-западной части жопы».

— . —

Занятия по гинекологии:

– Скажите, как дышит плод?

– Ну-у... Через влагалище.

— . —

На занятиях по терапии ассистент говорит:

– Дифференциальная диагностика с внематочной беременностью облегчается тем, что она зачастую бывает у женщин.

— . —

Пьяный проводник возвращается домой. Семья – жена и двое детей – встречают его в прихожей. Он вдруг разъяряется и кричит:

– Не стойте в тамбуре! Кому сказано?! Не стойте в тамбуре! Пройдите в вагон! Я кому сказал?!

— . —

По четвергам в ЛОР-клинике рыбный день: «скорая» везет людей с застрявшей рыбьей костью.

— . —

– Он рано ушел из жизни по состоянию здоровья.

— . —

Некогда ТашМИ был известен среди мединститутов, а в городе и подавно. Какие о нем ходили легенды, таинственные слухи, а смешные истории!

Яркие персонажи ТашМИ ждали своего романиста, но с этим не везло – институт выпустил всего нескольких графоманов, меня в том числе.

Постепенно, под давлением советской власти и ее национальной политики, институт сливался с окружающей действительностью.

Я учился в начале 80-х и видел, как гасли последние отблески его обаяния, он на глазах становился сумрачным скучным учреждением.

Деканат укреплял дисциплину и с энтузиазмом вывозил студентов на сельхозработы. Из шести лет учебы я девять месяцев собирал хлопок.

После окончания учебного года деканат старательно перетасовывал группы. Зачем? Бог весть. У них была какая-то своя скучная логика. Над всеми аргументами витали невнятное русское слово «местничество» и обрусевшее слово приبلудных кровей – «группировка».

Новый учебный год начинался с могучих усилий – все переводились из группы в группу. Друзья хотели вместе хихикать на занятиях, на лекциях исподтишка бить туру ладьей и сбежать в парк Тельмана пить пиво, парочки не хотели расставаться и днем.

Вуз был престижный, учились в нем дети непростых родителей, переводы заканчивались к ноябрю, к отъезду на хлопок.

На втором курсе я достиг апогея своей карьеры.

Большим начальником я не стал и уже никогда не стану – я был старостой группы.

Я пришел к замдекана. Замдекан (или замдекана, не знаю) – очень советская должность, и название у нее очень советское. Я, возвращенный империей, так ясно представляю себе человека, у которого впервые повернулся язык прилепить к благородному римскому «декану» косорылое, потерявшее в гражданскую обе ноги недословцо «зам», мне даже кажется, что я с ним знаком. Наш замдекан был похож на этого человека. Серый ежик начинался у него от бровей.

Сын замдекана был нашим однокурсником, он был так похож на своего отца, что казалось, тут обошлось без матери и вспоминалось библейское «...Вооз родил Овида; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида...» /Руфь,4; 21, 22/; черный ежик рос у него от самых бровей. Но о сыне это я так, к слову.

С наслаждением злоупотребляя своим служебным положением, я попросил замдекана:

– Переведите в мою группу Абидова, Нариянца и Каценовича.

Замдекан глянул на меня из-под ежика и грозно сказал:

– А-а-а, Книжник, ты создаешь свою националистическую группировку.

Должны были пройти годы, пока я понял, насколько он был прав.

— . —

Лекции по гражданской обороне читает отставной полковник:

– Лицо имеет моральное и косметическое значение, – говорит он.

– Любовь – это дружба плюс половое влечение, – он делает паузу. – Между разнополами, конечно.

— . —

В зоомагазине.

– У вас овес есть?

– Нет.

– А где есть? На базаре есть?

– На базаре нет.

– А где, где есть?

– На ипподроме есть.

– ?

– Где лошади – там овес.

– Зачем лошадям овес?

– Лошади едят овес.

— . —

Шукуруч был свидетелем такой сценки. В парке дед играл с внуком, мальчиком лет двух-трех. Они бегают, кричат, смеются. Потом, дурачась, начинают тянуть коляску в разные стороны, дед – в одну, внук – в другую.

Мимо проходят два алкаша, и один вдруг ощущает себя поборником справедливости:

– Ты, слышь... А ну, отдай ребенку коляску!

– Оставьте, – миролюбиво говорит дед. – Я же с ним играю.

– Ни хуя себе – «игра-а-аю».

— . —

Горбато-исправительная колония.

— . —

Гена Нариянц говорит:

– Если бы американцы не бросили бомбу на Хиросиму, о чем бы сорок пять лет говорили преподаватели гражданской обороны?

— . —

Из предисловия к двухтомному «Очерку истории еврейского народа», изданному в Иерусалиме:

«Попытки составления общей истории евреев на русском языке весьма редки. Последняя из них – многотомный труд Дубнова вышел в свет на многих европейских языков...»

— . —

Я обжег себе ногу. Месяц лежал в постели, слушал приемник. Как-то поймал русское вещание французского радио – жизнерадостный голос, невесомый акцент:

– Передаем очередной урок французского языка. Речь у нас сегодня пойдет о любви. Но это лишь повод для того, чтобы глубже изучить формы глагола «иметь».

— . —

Экстравагантная женщина.

— . —

В поезде Ташкент – Москва жарко пахло дынями и поносом. Вскоре эти запахи сливались в один.

— . —

Шахматист – сопернику:
– Не думайте руками.

— . —

Объявление в московской синагоге:
«Граждане прихожане! Ставим Вас в известность, что за сохранность оставленных тайлес (*молитвенная накидка* – М. К.) и др. вещей синагога ответственности не несет».

— . —

На набережной в Ялте сидит художник. Поглядывая на море, кипарисы и гуляющих, наносит быстрые мазки.
Если подойти к нему со спины и заглянуть через плечо, то увидишь: одинокая избушка, занесенная по окнам, заснеженное поле, черный лес вдали.

— . —

И в гроб сводя, благословил.

— . —

Армейские сборы перед присвоением студентам офицерских званий лейтенантов медслужбы запаса.

Военная часть расположена в Кызыл-Арвате, воспетом солдатско-уголовной поговоркой:

*Зачем придуман Богом ад,
когда уж есть Кызыл-Арват.*

Кызыл-Арват расположен в пустыне Каракумы, которую знают все благодаря хорошим шоколадным конфетам, которые мы едали в прежние годы, на фантике – силуэты верблюдинок шагают через силуэты барханов.

Июль. Погоду Гена Нариянц описывал так: «56 в тени, тени нет».

Двухэтажные армейские кровати сдвинуты по две. На втором этаже лежат Шукуруч и Гена. На первом – я.

Место рядом со мной – Жорика Каценовича, но сейчас пусто.

Казарма сложена из пиленого местного камня, похожего на туф.

Спать не хочется, как, впрочем, и бодрствовать.

Даже мысль о какой-нибудь деятельности кажется непосильным трудом.

Мы молча лежим, сочась потом, и сохнем, как рояльная древесина.

Появляется Жорик, валится на кровать.

– Ты знаешь, что в жизни самое обидное? – спрашивает он. Вопрос его пропитан горечью. Он делает хорошую паузу, давая мне время покопаться мыслью во всем обидном и горьком на этой земле, а потом говорит: – Самое обидное, это когда люди не понимают нюансов эндшпиля.

— . —

Дед моего друга Жорика, Александр Львович Каценович, был профессором-инфекционистом. Он умер, когда Жорику еще не было и года. Бабушку Жорика звали Хавер-Ханум, она была дочерью богатого нефтепромышленника.

Хавер-Ханум прожила долгую жизнь и много помнила. Я знал ее старухой.

Иногда мы разговаривали в просторном, спокойном, обреченном профессорском доме. Какие тени вставали в ее рассказах!

Ноябрьским темным утром сорок второго года Александр Львович шел институтским парком в свою клинику.

Оглядев ее снаружи хозяйским глазом, он увидел, что большой круглый явно посторонний предмет заслоняет свет лампочки в одной из палат второго этажа.

Инфекционная клиника требует строгого режима, заразные болезни легко распространяются. На втором этаже творился беспорядок. Рассерженный профессор поднялся на второй этаж. В тифозном боксе, у постели коротко остриженной, измученной тифом Ахматовой сидела Раневская в огромной черной шляпе.

Эта история порастеряла, пока шла ко мне, диалоги и движение, осталась лишь картинка: тифозная палата, выжившая Ахматова, Раневская в большой несуразной шляпе, возмущенный профессор в дверях, Жорика дед.

— . —

Цыганов говорит:

— Дайте нам положение, а выход из него мы найдем сами.

— . —

Виктор Давидович, пожилой рентгенолог, тихий человек:

– В сорок втором году я потерял очки. А меня посылают с котелками за едой. Идти нужно по тропинке на пяточок, вот такой, – и он чертит пальцем по клеенке. – Ну, слева – немцы, справа – немцы. Я очки ношу с четырнадцати лет, а они не понимают, что у меня близорукость, я просто ничего не увижу. Конечно, что вы думаете, я забрел к немцам. Но, слава богу, услышал их издали и повернул назад.

Конечно, меня сразу арестовали. И правильно сделали. Все правильно. Допрашивал меня комиссар полка. Ну, отпустил, конечно. К чему я веду? Это был единственный случай в жизни, когда национальность меня спасла.

— . —

При операции в желудке обнаружено 48 гвоздей разной величины. Заинтригованные хирурги с нетерпением ждали конца наркоза, чтобы узнать, зачем же он глотал гвозди.

– А я не дармоед. Мне за каждый гвоздь пять кружек подносили. Меня в нашей пивной все знают.

— . —

Меня сравнивали с Чеховым давно, когда я только начинал подбираться к прозе.

На кафедре биохимии преподаватель по фамилии Латыпов приговаривал, листая мою лекционную тетрадь:

– Конспекты у вас, Книжник, как рассказы Чехова. Такие же короткие.

— . —

А еще он говорил:

– Ласковое дитя двух овцематок сосет.

— . —

Объявление в запорожской химчистке: «Вас обслуживает П. С. Лень, мастер высшего класса».

— . —

На столе в приемном покое лежит линейка, на линейке надпись: «Ответственная за линейку Гуля Усманова».

— . —

– Ребята, никогда не выходите на мороз с полным мочевым пузырем, – поучал нас преподаватель хирургии. – Замерзнет – разорвет.

— . —

На кафедре хирургии был преподаватель, редкий хам.

– Почему он себя так ведет? – спросил я как-то на дежурстве другого ассистента.

– Э-э-э... – объяснил тот мне. – Гондон невоспитанный.

— . —

Мой учитель, профессор Альберт Ервандович Аталиев, рассказывал, что Ю. Ю. Дженелидзе, известный хирург, директор ленинградского института неотложной помощи, ревниво и пристрастно относился к своему московскому коллеге, великому Сергею Сергеевичу Юдину.

Злоупотребляя грузинским акцентом, он произносил фамилию своего соперника так:

– Иудин.

Но при этом говорил:

– Когда я приезжаю в Москву, я должен посетить три обители высокого искусства: Третьяковку, Большой и операционную Сергея Сергеевича... Иудина.

— . —

Аталиев говорит:

– Почему я, пользуясь успехом у женщин, совершенно им не пользуюсь?

— . —

А еще он говорит:

– Почему «похудел и возмужал» – это хорошо, а «похудел и возмудел» – плохо?

— . —

Конфеты «Отравинка».

— . —

Отец рассказывал:

– У нас в Новоукраинке была ванна с самоваром. Перед войной, перед самой войной мы заказали жестянщику новую, старая прохудилась.

В пятьдесят первом году я решил все же съездить в Новоукраинку. Встречаю на улице жестянщика, он поздоровался и говорит:

«Вы можете забрать вашу ванну, она стоит, вас ждет. Жена уговаривала продать, но я же деньги получил – должен изделие вернуть. Берите».

А зачем она мне нужна...

— . —

— . —

Шукуруч спрашивает:

– Знаешь, как по-узбекски будет «безбилетный пассажир»? Нет? Заяц-адам.

— . —

Из лекции по научному коммунизму: «Мы, являясь членами интеллигенции, упираемся корнем в рабочий класс...»

Дело Фрейда живет и побеждает.

— . —

Попутчик, в тамбуре электрички под Ленинградом:
– Детей у меня много, но все внештатные.

— . —

У директора института, престарелого академика, юбилей. Отмечается широко. Из стихотворного приветствия запомнилось: «...и минимум творить науку лет до ста».

А потом он выступил с ответной речью:

– ...Направление, которое я здесь олицетворяю.

— . —

Еще у меня на память от него осталась одна фраза.

Академик числился участником всех хозрасчетных проектов, разрабатывавшихся в институте, и по каждому ему капали какие-то деньги. В кассу он, ясное дело, не ходил, кассирша сама приходила к нему в кабинет с ведомостью, когда на десятку, а когда и на четвертной. На появление кассирши академик реагировал каждый раз одинаково:

– О! Очень вовремя!

Словно ему именно этих дести рублей не хватало до зарплаты.

С тех пор, когда мне случается получать деньги, я всегда произношу эту фразу.

– О! Очень вовремя!

— . —

Услуги фотоателье.

...снимки 3 на 4, анфас и в профиль, с подголовником, номером и в полосатой пижаме для серии ЖЗЛ.

— . —

Женщина безгрудая, как балерина.

— . —

Киоск «Союзпечати».

– Мне, пожалуйста, эту газету, эту, эту и эту.

– Вы что, с ума сошли? Сегодня же во всех газетах одно и то же.

— . —

– Вы согласны на операцию?

– Ну, прямо не знаю... Может, я еще поживу?

— . —

Из истории болезни: «Больной поступил с жалобами на запах алкоголя изо рта».

— . —

Моя знакомая, солистка из вокально-инструментального ансамбля, рассказывала:

– Нашего ударника Эдика Мендельсона время от времени вызывают в ВААП. Получать гонорар за марш Мендельсона.

— . —

Десятилетний сын объясняет моей приятельнице разницу между мужем и любовником:

– Любовник – это тот, кого любят, а муж – это тот, с кем живут.

— . —

Ташкентские парадоксы: местечковые узбеки и кишлячные евреи.

— . —

Девушка с лицом статуи Свободы.

— . —

В ташкентском университете марксизма-ленинизма преподаватель диктует:

– Пишите: Вэ, Ка, Пэ и маленькая Бэ.

— . —

Аталиев, профессор-хирург, разглядывает традиционный мединститутский плакат: «Если больному после разговора с врачом не стало легче, это не врач», – и говорит:

– Если больному после разговора с врачом стало легче, это – не больной.

— . —

Мое имя-отчество плохо ложится на язык, а может быть, не совпадает с моей внешностью, но факт, что люди через пять минут знакомства начинают звать меня Юрием Михайловичем.

Переплюнула всех доцент из детского отделения. Мне передали такой диалог:

– Мне Миша сказал... – говорит она.

– Какой Миша?

– Какой-какой Миша! Юрий Андреевич.

— . —

Главврач говорит:

– У нас не все больные охвачены вассерманизацией.

— . —

У меня был знакомый фельдшер Шамурат-ака, от которого я услышал великолепное русское слово «очуялся» – незаконнорожденное дитя «учуял» и «очухался».

— . —

Разговариваем с Цыгановым по телефону о русском языке: подлежащие, сказуемые.

Вдруг он говорит:

– Подлежащее – камень, сказуемое – не течет.

— . —

У базарчика на Соцгородке была будка, где чинили зажигалки. Там сидел Рустем, мой знакомый. Когда его называли Рустам, он поправлял – Рустем. Как-то зимой я зашел к нему. Пока он чинил, я топтался на месте, мерз.

– Рустем, как вы не мерзнете?

– А у меня здесь камин, – ответил он.

Я перегнулся через прилавок и увидел у его ног электрообогреватель «Крым».

– Ну, такой можно и не выключать. Вас одно название согреет, – сказал я.

Как мы с ним переглянулись!

— . —

Дитя перестройки Миша Гронас еще школьником писал приличные стихи и печатался в ташкентских журналах.

После десятого он уехал в Москву поступать в университет.

Его родители были в ужасе – домашний еврейский мальчик, без брата, один, какой университет, нужно было, как все нормальные дети, учиться в ташкентском политехе, а если постараться, то – в медицинском.

Миша вернулся через месяц студентом МГУ и сказал:

– Никакого еврейского вопроса нет, вы все выдумали.

Когда его побили в московском метро и кричали: «Убейся в свой Израиль!», – его уверенность поколебалась.

Пару лет назад, во время каникул, он пришел ко мне в гости, мы засиделись допоздна, и я вышел проводить его к остановке.

Время было зыбкое, тревожное.

Трамваи рано переставали ходить, такси проносились мимо.

Я отстраненно оглядел нас: два бородатых лохматых мужика, один – в бушлате, другой – в толстом узбекском халате.

Я бы таким не остановил.

Еще одна машина проехала мимо, потом притормозила и подала назад.

Я наклонился, чтобы сказать адрес, но не успел раскрыть рта.

– Но он – аид? – спросил густой голос.

– Еще бы, – ответил я.

– Пусть садится.

— . —

Ул. Баршала Муденного.

— . —

Живи мой товарищ Костя Цветков во времена покруче, висеть бы ему на рее или выслушивать прощальное «Пли!» у облупленной кирпичной стенки.

Году в 90-м, когда «все», наши «все» уезжали, Костя купил незадорого нужные бумаги и собрался следовать за всеми.

В Генконсульстве Израиля что-то смутило даже терпеливых, измученных соплеменниками чиновников: то ли незамысловатые бумаги, то ли американско-бродяжий шарм цветковской физиономии противоречил представлениям о сколько-нибудь семитической внешности репатриантов.

Костику отказали во въездной визе. Возмущенный, он потребовал встречи с консулом.

Г-н Арье Левин долго перебирал бумаги, покачивал головой, а потом пожаловался, глядя на вздернутый нос моего приятеля:

– Но вы даже не похожи на еврея, господин Цветков.

– Вы тоже не похожи на еврея, – возразил Костя курносому консулу.

Не знаю, попал ли Арье Левин под авантюрное обаяние Костика или тот нечаянно задел его любимую мозоль на ахиллесовой пяте, но говорят, что он усмехнулся и сказал:

– Езжайте. Такие люди нужны в Израиле.

— . —

Плакат: «Участь Арала – наша участь».

— . —

На приеме. В карточке записано «учитель».

– Вы что преподаете?

– На русский язык.

— . —

Покойная Ирина Николаевна Овруцкая рассказывала, что ее приятель, немецкий писатель, автор книги о Швейцере Пауль Герберт Фрайер побывал на станции «Северный полюс» и привез оттуда белого медвежонка.

Через рогатки таможен и карантин медвежонка ночным самолетом доставили в Берлин. Фрайер с нетерпением дожидался утра, и только рассвело, позвонил директору берлинского Зоо.

– Идите проспитесь, герр Фрайер! О чем вы говорите?! Какой медвежонок?!

— . —

При Сталине у нас была конфронтация с Югославией. В «Крокодиле» печатали карикатуры на Броз Тито и обзывали его «брозтитуткой». А Хрущев помирился с Тито, и тот поехал с визитом в Москву. Ехал поездом, через Украину. На больших станциях его встречали митингами:

– Дорогие товарищи! – выступал городской голова. – К нам приехал наш дорогой друг товарищ Броз Тито со своей кликой.

— . —

Коктейль «Туда-обратно».

— . —

Гуляли мы с Юрием Григорьевичем Липиченко по Киеву. В Киеве цвели хрестоматийные каштаны. Весна 90-го. Самый пик отъездов. Шли и обсуждали: кто уехал, куда уехал, как жить, где жить. Долго, напряженно так разговаривали. Ходили целый день, а ближе к вечеру на Большой Житомирской нас обгоняют два паренька, и мы ловим обрывок их фразы:

— ...а потом идешь в посольство той страны, в которую ты хочешь съебаться...

— . —

Покойный профессор М. П. Постолов говорил:

— Я думал, что после шестидесяти мне женщины будут не нужны, а вышло – наоборот. Я им не нужен.

— . —

Он уехал за о'кеан.

— . —

В Киеве, на Львовской площади, – Детский кинотеатр мультипликационного фильма им. В. И. Чапаева.

— . —

Взаимоотношения евреев с Богом.

Ташкентское кладбище, еврейская его часть. С катафалка снимают гроб. Катафалк на самом деле – автобус, но все говорят «катафалк». Раздвигая кусты, по-разбойничьи выбегает несколько кладбищенских евреев, загорелых, высушенных и ветхих.

– Сколько прожила покойная?

– Восемьдесят семь лет.

– К Богу претензий нет.

— . —

89-й год. Ташкент. Древняя старуха говорит сыну, пожилому, усталому человеку:

– Савелий! Кто сейчас в городе, белые или гайдамаки?

– Мама! А тебе не все равно, кто сейчас в городе? – отвечает сын.

– Конечно, не все равно. Гайдамаки убивают евреев, а белые – нет.

— . —

Индюк по-каракалпакски будет – туя-тоук, буквально – верблюд-курица.

— . —

Частое имя у каракалпаков – Света.

— . —

В конце 80-х модно было присылать в Узбекистан врачебные бригады из России, якобы для помощи в летние месяцы. Называлось – «врачебные десанты».

Доктор-реаниматор из Хорезма жаловался:

– Э-э-э... Какой десант?! Днем он не может работать, он попал в Африку, ему жарко, он умирает. Вечером он оживает, кушает дыню, утром у него понос, он умирает. Я его реанимирую. Какой десант-месант?!

— . —

— . —

Собака с лицом слесаря шестого разряда.

— . —

Американтильность.

— . —

В Дубултах в 88-м году я попал за один столик с поэтом из Сибири. Он был единственным поэтом маленькой сибирской народности. Причем писал он не на родном языке, а на языке хоть и родственной, но другой, большей народности, чтобы публиковаться.

Поэт оказался человеком пьющим, через три дня после приезда запил и лишь в последний день появился в столовой. Взгляд его раскачивался, как чайка на балтийской волне, лик был сиренев.

Но те три дня, до запоя, мы с ним общались. Он захаживал ко мне в номер, много говорил о судьбе своего несчастного народа, очень ругал Ермака Тимофеевича.

Потом он вдруг прервался и спросил:

– Ты кто по национальности будешь?

– Еврей.

– То-то я чувствую – хорошо с тобой разговаривать по национальному вопросу.

— . —

Под утро мне приснилась фраза: «Воздух над ней был такой густой и плотный, что казалось – выстрели, и оттуда выпадает мужчина».

— . —

Хамский почерк.

— . —

Красный, как смерть на миру.

— . —

С «вы», не заходя на «ты», они перешли на «мы». Конспект романа.

— . —

Послали меня в командировку в Андижан.

В областной больнице дали машину.

Пожилый шофер Муталиб-ака везет меня по городу, попутно рассказывает, объясняет.

Едем по улице Белинского. (Что Андижан Виссариону? Что Виссарион Андижану?)

Муталиб-ака:

– Это у нас улица блядинский. Тут у нас «Интурист», тут у нас гостиница, ресторан, все бляди – тут.

— . —

Вывеска на Алайском базаре:

К А Ф Е
рыбожарка-чебуречная
от ресторана «Дустлик»

— . —

Поэты – дети любви. Это не метафора, я говорю буквально: поэты рождены в любви. Поэтому у русских поэтов очень часто имена повторяют отчества: два Владимира Владимировича, Александр Александрович, Николай Николаевич – примеры всем известны.

— . —

Ирина, дочь Цыганова, и его зять Олег уехали с детьми в Америку. Это было еще в те времена, когда по году сидели в Италии.

Цыганов рассказывает:

– Ирина пишет мне, что летела в самолете до Рима с Иосифом Забровским. Папа, пишет, помнишь ли ты Есика Забровского, он у тебя лечился? А как я могу его помнить, тем более по фамилии. Если бы рентгенограммы, то можно еще о чем-то говорить, а так...

Цыганов разводит руками:

– Но это не важно. Важно, что он меня помнит.

Он уже в Кливленде, штат Огайо, а дети все еще сидят в Ладисполи, потому что сдуру сказали, что хотят в Нью-Йорк. Откуда им было знать, что в Нью-Йорк будет попасть труднее всего.

А мне на днях звонила родная сестра этого самого Есика, здесь, в Ташкенте.

Он ей звонил из Кливленда, штат Огайо, чтобы она передала мне, что когда я буду разговаривать с Ладисполи, чтобы я сказал детям, что когда они уже будут на месте, чтобы они позвонили Есику в Кливленд, штат Огайо.

У него к Олегу есть разговор.

— . —

Любимый анекдот Цыганова.

– У нас это наследственное. У моего дедушки не было детей. У моего папы не было детей, и у меня – то же самое.

– А вы сами откуда?

– Я? С Одессы.

— . —

Цыганов любит цитировать своего приятеля Шварцмана:

– Нужно учиться, учиться и заниматься.

— . —

Куйбышевский районный ОВИР в Ташкенте находится на углу улиц Демократической и Защитной.

— . —

Стреляный воробей борозды не испортит.

— . —

Под Ташкентом я видел вывеску:

«Детский сад им. Чебурашки».

— . —

Мне приснился политический сон.

– Никита, – говорит Сталин на чистом русском языке без всякого там акцента. – Ты человек перспективный, расти будешь, может, и до генсека дорастешь, а – необразован. Ведь так, необразован?

– Так точно, Иосиф Виссарионович! – отвечает Никита.

Я вижу их одновременно, как на экране, и в цвете. Цвет неверный, как в первых цветных картинах.

– Языков не знаешь. Ведь не знаешь? – продолжает Сталин.

– Не знаю, – соглашается Никита.

– А ведь понадобятся.

– Понадобятся.

– Ну, вот хотя бы одно слово иностранное выучи.

– Какое?

– Хорошее. Иностранное. «Пидарас». Запомнишь?

– Как-как, Иосиф Виссарионович?

– Пи-да-рас. Понял?

– Понял, – соглашается Никита и повторяет: – Пидарас.

А Сталин, довольный, усмехается усами, словно дело какое сделал.

И я во сне думаю себе: «Ах вот откуда это у Никиты. Вот кто его подучил. Он знал...»

— . —

Заходя в метро на Ленина, когда еду на службу, я всегда подаю нищему. Выходя из метро на Горького, я снова подаю тому же самому нищему.

— . —

Год 1989. Разгул позднего реабилитанса. Ко мне поступает больная с зобом, женщина лет сорока пяти из провинции.

– Я три года была у Гулаги под наблюдением, и никто мне не сказав за зоб.

– Где? Где вы были? – переспрашиваю я, судорожно проецируя ее возраст на отечественную историю.

– У Гулаги. Гулага – це ж наш андокрынолох.

— . —

Навстречу мне по Курской бегут пацаны лет семи-восьми и щенок. Щенок подкатывается к моим ногам, и я сажусь на корточки погладить его. Щенок отбегает. Я нелепо сижу посреди улицы.

Один из пацанов берет щенка под брюхо, подносит и ставит возле меня. Я глажу его. У него большие лапы, отличная морда, шkodные глаза.

– Хороший щенок, – говорю я пацанам. – Чей он?

– Ничей, – хихикая и дичась, отвечают они.

– Возьми его себе, – говорю я тому, побойчее, который поднес его мне. – Отличная будет собака, умная. Только с ним нужно разговаривать, как с человеком, тогда он все будет понимать.

Закрывая калитку изнутри, я услышал голос того пацана:

– Ассалом алайкум! Хорошо ли у вас? Как ваше здоровье? Как дела? Как дома?

Хороший, послушный мальчик.

А раз как с человеком, то нужно же поздороваться.

— . —

– У вас есть эта книга, хохлятская?.. Ну как ее?.. «Кому грядеши».

— . —

Еврейские дела:

– Закрой дверь, или одно из двух.

— . —

В Израиле, в Эйлате, по берегу Красного моря между загорающими ходит одетый человек с большой сумкой.

Заслышав русскую речь, он подсаживается, знакомится, приглашает в местный христианский центр, раздает Библию, богословские брошюры.

Этот человек нарушает закон Израиля, запрещающий миссионерство.

– А почему? – спрашивает про Библию мальчик.

– Бесплатно! – гордо отвечает миссионер. – Бери, мальчик. Бог – богатый!

...Моя бабка прожила в Узбекистане сорок лет, половину жизни. Знала по-узбекски десяток фраз, не больше. В том числе – «Бог знает».

На узбекском – «Худо беляди». Но произносила она на свой манер: «Худой беляди».

У нее, иудейки местечкового закала, запрещавшей мне класть колбасу на масло, было, в отличие от того миссионера, истинно христианское, православное понимание Бога – страдальца, худого, принявшего муки за грехи людей.

— . —

Шереметьево – 2. 90-й год.

Сутолока, толкотня, неразбериха. Евреи, уезжающие в Израиль, украинцы – в Америку и Канаду, немцы.

Аэропорт, построенный с потугами на европейскость, заполнен раскладушками, линияя парусина провисает до мраморного пола, и домашними, трагически-неуместными стульями уже похож на нормальный российский провинциальный вокзал очередной тяжелой години.

Люди долго ждут – с детьми, стариками, потом уезжают, а раскладушки остаются.

Но стульев все равно не хватает, сидеть не на чем.

Национальные качества в такой обстановке обостряются до карикатурности.

– Саша, съешь яблочко, а то пропадет.

Евреи суетятся, командуют друг другом, то есть – каждый командует.

– Товарищи! Постройтесь в рядочек, станьте в затылок, товарищи!

– Товарищи! Куда вы прете? Если вы потеряли человеческий облик, совсем не обязательно ехать в Израиль!

Украинцы не суетятся, они сидят спокойно, собрав вокруг себя много стульев, про запас, на всякий случай.

На все попытки взять пустующий стул отвечают:

– Нам потрибно.

Можно подслушать такие разговоры:

– Що це за фонарь?

– Дэ?

– Та ото.

– Це самолет.

Или такие:

– ... и куды вин идэ?

– До Штатив.

– До яких Штатив?

– А вы сами куда? – влезает в разговор моя приятельница.

Отвечают гордо:

– Мы? До Амэрыци!

— . —

Мой однокурсник Вахид родом из Ялты, рассказывает:

– Мой отец работает в «Оптике», он Чехову пенсне чинил...

– ???!

– Принесли из музея, он починил.

— . —

А еще Вахид рассказал, что в 70-е годы при перевозке экспонатов то самое пенсне было оценено в сорок тысяч рублей.

Это сейчас рубль мнется, а тогда это было что-то около двадцати тысяч долларов.

В январе 1899 года Антон Павлович по причине безденежья заключил договор с издателем Марксом, уступив ему право собственности на свои произведения за семьдесят пять тысяч рублей, двадцать тысяч из которых он получил по подписании договора.

А теперь вот пенсне.

На сколько же лет вперед он наготовил этих мучительных и трогательных деталей.

— . —

Еду в такси, разговариваю с шофером о старом Ташкенте, о купце Тезикове.

Был такой купец, до сих пор есть место в городе, которое называют Тезиковка. Там раньше было его загородное имение, а сейчас – птичий базар, барахолка, алкаши, преступный элемент.

Шофер оказался с тем купцом в дальнем родстве, он говорит:

– ...И церковь он построил, и госпиталь. Да весь Ленинский район построил Тезиков.

— • —

— • —

Был у меня знакомый на книжном базаре. На вопрос «Как дела?» он отвечал:

– Хорошо. Из рук вон.

— . —

Женщина падшая, как осенние листья.

— . —

В Карши в магазине продается резиновая игрушка – забавный старичок. На ценнике написано: «Дед Шишкович». Я удивился, попросил посмотреть. На фабричном ярлыке прочитал «Дед-шишковик».

— . —

В Киеве выходил (а может, и сейчас выходит) журнал «Книжник». Мне почему-то приглянулось скромное и изящное название, и я решил зайти в редакцию, познакомиться. Журнал оказался на украинском языке и должен читаться «Кныжнык».

Я подумал, что было бы забавно напечататься в таком журнале, но мне ответили:

– Ни, мы дружбой народив нэ интэрэсуемось.

— . —

Альберт Ервандович Аталиев рассказал историю про армянина, который много лет работал учителем английского языка в далеком памирском кишлаке. Хорошо преподавал, ученики его делали успехи.

Случайная комиссия, захватившая в кишлак, обнаружила, что он преподает армянский.

— . —

Вывеска: «Бюро путешествий «ТИТАНИК».
А что, честные ребята.

— . —

Старшая операционная сестра поскандалила с анестезиологом – извечный больничный конфликт. Он ее оскорбил. Она об этом написала докладную главврачу. Ее спрашивают:

– Почему ты пишешь «на хуй» – слитно? Ведь нужно
раздельно.

– Раздельно? А я всегда думала, что это – наречие.

— . —

Лев был так хорошо дрессирован, так старателен и послушен, что его вот-вот должны были повесить, обещали назначить младшим дрессировщиком.

— . —

Дорога Денау – Душанбе пересекает границу Узбекистана с Таджикистаном. Вдоль границы стоит длинная русская фраза, составленная из железобетонных в человеческий рост букв: «В ДРУЖНОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ НАША МОГУЧАЯ СИЛА». А у самой дороги висит небольшой плакат, тоже на русском: «В соответствии с постановлением ВС ТаджССР вывоз следующих продуктов за пределы республики ЗАПРЕЩЕН...»

Та еще семейка.

— . —

Веселый запах арбуза.

— . —

Мой товарищ Игорь Бяльский уехал в Израиль. Паспортное его имя Исаак, но родители с детства зовут его Игорем.

У него даже в писательском билете было написано: Исаак Бяльский; литературный псевдоним: Игорь Бяльский.

В Израиле ему выписывают документы.

– Имя?

– Исаак.

– Ицхак? – поправляют его.

– Исаак.

– Ицхак, – увещевают его.

– Исаак.

– Зачем вам это русское имя?

— . —

В Эйлате я познакомился с семьей из Ташкента – Алик и Тома, симпатичные ребята, нашлись общие знакомые. Они пригласили меня к Томе на день рождения. Я пошел в цветочный магазин. Магазин? Джунгли. Горячий запах мокрой земли, экваториальный полумрак, поляны неведомых трав, лианы, заросли, не хватало только мартышек.

Немного освоившись, обнаружил у входа флотилию высоких узких ведер с букетами.

Впереди красавец – много разных цветов, листьев, бантиков, ленточек, рюшечек, масса хрустящего целлофана.

Цена 80 шекелей, не по моим деньгам. Дальше стоят букеты поскромнее – меньше цветов, меньше ленточек и оборочек, но все равно дорого. Постепенно перемещаясь вдоль ряда букетов, я подошел к последнему ведерку. Свежие багровые розы на длинных стеблях, не собранные в букет.

В Ташкенте на Алайском базаре хозяин таких роз был бы королем. Он написал бы на бумажке цену и не отвечал бы на вопросы.

«Почем?» – спрашиваю. Три шекеля. Выбрал пять штук и пошел на праздник.

Попал на скандал. Мое появление не утишило его, наоборот. Разъяренная Тома кричала смущенному Алику:

– Посмотри! Почему Миша, чужой человек, смог принести настоящий красивый букет?! А ты!? Ты! Что принес ты?! Венок! – и, призывая меня в свидетели, она показала рукой на восьмидесятишекельный флагман, который валялся на кухонном столе, как зарезанный петух.

— . —

В Эйлате на стройке работает инженер-араб, он окончил пару лет назад ленинградский институт.

– Как тебя зовут? – спрашиваю его по-русски.

– Уёб, – отвечает он, но вдруг спохватывается, в глазах его мелькает пятилетний хоровод питерских общаг, и он аккуратно поправляется: – Айуб.

— . —

Ценник на Алайском базаре: «Кукурузные хлопцы».

— . —

В автобусе.

Лицо сидящей женщины выдавало физический недостаток, может быть, хромоту. Было видно только лицо, но выражение глаз, рта, было такое, что подразумевался физический изъян.

Лицо хромого человека.

— . —

Бечора – по-узбекски «бедняга», «бедняжка», но емче, энергичней.

Уважающие себя люди приходят на Алайский базар с пустыми руками, никаких тебе авосек, кошелок, покупают у входа два пакета из желто-серой бумаги. Пакеты не клееные, а простроченные ниткой, одной длинной строчкой – по боку и, плавно загибаясь, по дну. Бумага плотная, хрустящая, однослойная. Раньше они стоили 20 копеек. Обратное их принято нести полными, перед собой на локтевых сгибах, прислонив к груди. Сверху обычно лежат лепешки, хвосты зеленого лука или запыленные кисти винограда.

Все видят – уважаемый человек «базар сделал».

Я хожу на Алайский с кошелками. Как-то раз мне понадобился такой бумажный пакет, я подошел к бабке, молча положил двугривенный и взял пакет, я знаю, как себя вести на базаре. Но, пройдя целый ряд, обнаружил, что взял случайно не один пакет, а два. Этика базара позволяет торговаться, дурить, жульничать, но если сделка заключена, то – все. Я слышал немыслимые рассказы о том, как, обнаружив ошибку, через два дня приносили недоданный рубль. Я не поленился вернуться и отдал бабке лишний пакет.

Она взяла, покивала мне, а когда я уходил, услышал, как она говорила про меня своей соседке – торговке дрожжами:

– Бечора.

До сих пор не могу понять, означало ли это сочувствие мне, давшему изрядного кругалю, или сожаление о моих умственных возможностях.

— . —

— . —

Ты воспринимаешь людей такими, как они есть, а они не такие, какими ты их воспринимаешь.

— . —

– Если он женится на еврейке, его родители повесятся.

– Ну, повесятся. Повисят немного, а потом потихоньку будут жить дальше.

— . —

Я купил в букинистическом книгу «Травматические вывихи» из «Библиотеки практического врача». На титульном листе шариковой ручкой надпись:

«Noli nocere.

Дорогому мужу в день 23 февраля».

Noli nocere – по-латински *н е п о в р е д и*.

— . —

Из книги «Любительское садоводство»:

«Под кустами расстилают полотно или пленку, а плоды струшивают или ошмыгивают руками».

Это стиль.

— . —

– Скажите, а в медицинский ваша дочь поступать не хочет?

– Что вы! Она же у меня такая чистоплотная.

— . —

Главврач говорит:

– Кто-нибудь будет дежурить на Новый год или будем жеребоваться?

— . —

– Ну что, Шукурыч, кто был прав?

– Насчет книг, театра, баб и вообще – искусства – ты всегда прав.

— . —

В Иерусалиме, в арабском квартале Старого города, ко мне прилип немолодой араб в измятом шоколадном пиджаке. Он был настроен провести для меня экскурсию по городу, я отказался, тогда он предложил проводить меня до гостиницы, я поблагодарил.

В конце концов он – э-э-эх! – попросил пять шекелей. Я напрягся и дал ему один. Он покрутил монетку, спрятал в карман и спросил, откуда я.

Я сказал, что из России.

– Раша! – обрадовался он. – Шеварнадзе!

— . —

Из истории болезни:

«Жалобы на сердцебиение в голове».

— . —

В трамвае по проходу бледный мальчик шел с видом убиенного царевича Дмитрия.

— . —

Ночная зеленая стрекозка с золотыми глазами, похожая на заколку для военного галстука.

— . —

К Шукурычу на службу пришел родственник и попросил конфиденциально обследовать его приятеля, секретаря не то горкома, не то райкома, тот недавно вернулся из Ленинграда с курсов партучебы и что-то неважно себя чувствует.

Взяли анализы.

Обследуемый вышел в больничный парк ждать результатов. Вскоре к нему вышел Шукурыч, тот вскочил навстречу:

– Ну что?!

– Гонорея, – ответил Шукурыч и развел руками.

– Кто же мог подумать!?! Народная! Артистка! РСФСР!

— . —

Жду трамвая.

– Молодой человек! А что такое «лишить материнства»?

Передо мной стояла старушка, классическая русская литературная старушка.

Отечественная литература набита ими, как ташкентский трамвай № 9 в воскресный день, когда он идет от церкви в город. Вязаная кофта цвета потрепанного трояка, темно-синяя гимназическая юбка, блеклые цветочки платка, морщины, щечки, живые глазки.

Она ждала ответа на вопрос.

– Это... Это... Когда не имеет права называться матерью, суд освобождает, – невразумительное мое бормотание, конечно, объяснить ничего не могло.

Бабка резко прервала меня:

– Значит, когда они старые будут, она помогать им – во!? – и она поднесла к моему носу аккуратный сухонький кукиш.

– Да, конечно! – поспешно и необоснованно-радостно согласился я.

– Хорошо! – сказала довольная старушка, отходя и теряя ко мне всякий интерес, и продолжала уже как бы сама с собой: – А они оба пьют. Ха-а-арашо!

— . —

— . —

Ко мне поступила больная с массой разнообразных жалоб.

– Appetit у вас хороший? – спрашиваю.

– По-разному бывает, когда кушать хочу – хороший, когда не хочу – плохой.

— . —

В израильской армии нет команды «Вперед!». Есть команда «За мной!».

— . —

Моя тетка имеет своеобразное суждение по всем вопросам.

Она говорит:

– Что за муть показывают по телеку. Так хочется посмотреть хороший патриотический фильм. Про шпионов.

— . —

Я возвращаюсь домой, и тетка мне с гордостью сообщает:

– Я купила сегодня такую тихо-атлантическую сельдь!

— . —

Недержание сердца.

— . —

Тетка сидит на крыльце нашего дома, держит в руках порванные босоножки и сокрушенно бормочет:

– Ай-яй-яй! Несношаемые же туфли были.

— . —

Приспособачить.

— . —

Красивый, как молодой Сальвадор Дали.

— . —

Вскоре после моего приезда из Израиля у нас с теткой произошел такой диалог:

– Рая, что, в Ташкенте открыли израильское посольство?

– Да, открыли.

– Где?

– На Абая.

– На улице Абая? – удивляюсь я. Трудно себе представить посольство на пыльной расхристанной улице Абая.

– Нет, метро Абая.

– Метро не Абая, метро – Айбека.

– Точно! Метро Айбека, дом шесть.

— . —

А. Бовин, популярный политический журналист, смог каким-то образом приобрести репутацию порядочного человека. Не менее загадочной была и смена профессий – его назначили послом СССР в Израиле, а потом он стал послом России.

Пожилые евреи из новых репатриантов, если их обидят в присутственном месте или чиновники чинят волокиту, пишут жалобы Бовину.

— . —

Умирают, но не сдаются.

Раньше улица Чехова была обычной правильной ташкентской улицей.

С одной стороны на нее выходили сталинские четырехэтажки военного городка, с другой – одноэтажные русские дома.

По улице ходил трамвай – от Саперной к Госпитальному базару.

Трамвайный маршрут спрямили, рельсы с Чехова убрали, одноэтажную сторону снесли, там сейчас пустырь, полный строительного мусора.

На пустырь ровными шеренгами наступают скучные бетонные сундуки.

От всей той стороны остался один дом, старый, просевший.

Покосившиеся ворота, крашенные суриком. На калитке надпись, обычная для Ташкента, где каждую осень ходят по домам студенты, жмут на звонок и задают один и тот же вопрос: «Квартир есть?».

На последней калитке улицы Чехова написано: «Квартиры не сдаются».

— . —

Четырнадцатилетняя девочка читает книгу театроведческих очерков Бояджиева.

Странная фамилия – Бояджиев.

– Мама, кто он может быть по национальности?

– Бояджиев? Осетин, наверно.

– Разве осетины бывают театроведами?

— . —

Осенью в садовый кооператив привезли навоз и раздали пайщикам. Одна соседка жалуется другой:

– У всех навоз как навоз, а у меня? Говно!

— . —

В Ташкенте на Узбекистанском проспекте в конце семидесятых построили новое здание Потребкооперации, причудливое, с палубами, надстройками, пандусами.

Там находится и ресторан «Кооператор», который несколько лет был самым фешенебельно-злачным местом города. В народе здание было моментально прозвано «Крейсер ворюг».

— . —

А кафе «Петушок» возле церкви прозвали «У Христа за пазухой».

— . —

Киев изредка называют «русским Иерусалимом», имея в виду его место в религиозной жизни.

А они на самом деле чем-то похожи. Может быть, тем, что расположены на горах. В обоих есть крутые улочки, идущие по склонам.

Только в Киеве они называются «узвиз» – спуск, а в Иерусалиме – «маалот» – подъем.

— . —

Я решил потешить своих иерусалимских родственников настоящим пловом. Все компоненты были налицо, кроме зиры – душистой приправы.

Зная, что в Израиле, как в Греции, – все есть, я пошел на базар искать зиру.

Я люблю базары, но Маханэ-Иегуда – это нечто особенное. В лавке специй, благоухающей, как «библиотека приключений», два веселых парня осведомились, что мне угодно, я ответил, что не знаю, как это будет на иврите, и буду выбирать носом. Они приглашающим жестом указали на полки, уставленные сверху донизу банками, – нюхай.

Довольно скоро я почувствовал знакомый ташкентский запах и показал банку хозяину.

– А-а-а... Зира, – небрежно сказал он.

— . —

Мой старший приятель, киевский писатель Владимир Матвеевич Хижняк, служил в конце войны переводчиком в штабе маршала Конева. Был он тогда, судя по фотографиям, тощим длинношеим юношей, в мае 45-го ему не исполнилось и двадцати.

Штаб стоял в Германии.

Был май, победа, союзники, росли абрикосы. Офицеры были приглашены на прием к французскому командованию.

Чтобы они не ударили лицом в грязь, было решено подучить их хорошим манерам. Молоденькому лейтенанту, скрывавшему свое дворянское происхождение, было поручено прочитать лекцию на тему «Как вести себя за столом».

В назначенный час Хижняк вошел в аудиторию.

Раздалась команда «Смирно!». Человек пятьдесят в полковничьих и генеральских погонах повскакивали с мест и вытянулись в струнку.

Ему стало зябко.

– Товарищ преподаватель! – докладывает дежурный – Личный состав для прослушивания лекции...

И через сорок пять лет Владимир Матвеевич рассказывал мне об этом, нервно посмеиваясь.

«Что им ответить? “Вольно”? “Садитесь”? Это же генералы, да они меня потом...». Наконец, он нашелся:

– Приступим.

В зал он старался не смотреть. Говорил быстро, старательно, выкладывал все, что знал, что помнил, чему научили его тетки и мама (благополучно, впрочем, восьмой год к тому времени сидевшая в карагандинском лагере).

Он рисовал на доске рюмки и вилки, объяснял, что делать с салфеткой, как обходиться с рыбой и куда наливать ликеры. Слушатели старательно строчили в тетрадах.

Испуганный лейтенант добился блестящего эффекта, он убедил генералов, сколь важны за столом хорошие манеры.

На следующий день на приеме у союзников наши офицеры сидели чопорные, как провинциальные гимназистки.

Они боялись притронуться к еде.

— . —

Одно из самых фантазмагоричных впечатлений моей жизни.

Краснознаменный пузато-гимнастерочный ансамбль песни и пляски Советской Армии им. Александра в Иерусалиме, под башней Давида, у подножья Сиона бодро поет:

– *Эвейну шалом алейхем!*

— . —

В Израиль я ехал через Кипр. Когда уезжал, мне многие советовали: на Кипре обязательно выпей вина. Ах, кипрское вино! В Никосии я пробыл один день. Слоняясь по городу, вспомнил советы и зашел в лавку купить вина.

– Ты француз? – спросил меня хозяин.

– Русский, – ответил я. Там мы все русские.

– Ты хочешь водки! – радостно сообщил мне хозяин.

– Я хочу вина.

– Водки! – настаивал хозяин.

– Вина.

– Водки!

Я выругался в соответствии со своей национальной принадлежностью и пошел в соседнюю лавку.

— . —

В Израиле в магазинах продается итальянская одежда с советской символикой, называется – стиль «Soviet». На добротных дорогих вещах надписи по-русски, но с акцентом: «Рабочие брюки», «Демократия в СССР» или «Первый отдел».

В дорогом магазине в центре Эйлата продавщица бьет ладошкой по кассовому компьютеру и жалуется (мне перевели друзья):

– Почему, когда ввожу в него «Совет», он ломается?!

— . —

Готическая ласточка.

— . —

Зима 92-го года была в Израиле холодной и дождливой. Дождей выпало так много, что начались наводнения.

Евреи всегда страдали от нехватки пресной воды. Всегда, даже во время дождя, молились о дожде.

В храме царя Соломона в праздник Суккот приносили в жертву семьдесят быков по числу народов, населявших Землю, чтобы они жили в мире и у них был дождь.

Еврейское представление о счастье – дождь.

А тут по телевизору показывают, как в маленьких городках на севере Израиля люди осваивают традиционное венецианское занятие – на лодке плывут от автобусной остановки к телефонной будке.

В феврале главный раввин Израиля разрешил впервые произнести молитву о прекращении дождя.

Сформулирована она была так:

– Господи, спасибо! Но люди больше не в силах выносить милости, ниспосланные Тобой.

— . —

Осенью 90-го года в Дубултах я познакомился с Анной Давидовной Красноперко.

Как раз в эти дни пришел новый номер «Дружбы народов», где в переводе с белорусского были напечатаны ее записки о минском гетто, мучительное повествование.

Я читал и восхищался мужеством этой женщины.

Зашел к ней в номер поздравить с публикацией, поблагодарить.

Мы разговорились, Анна Давидовна рассказала, как много страшного было потом, после побега из гетто.

Как их отталкивали партизаны.

«Мне евреи не нужны», – говорил им командир одного отряда. Другой побоялся утечки информации и послал человека их расстрелять.

Я спросил:

– Почему вы об этом не напишете?

– Ну что вы, Мишенька! Разве об этом можно писать?! – искренне удивилась она.

— . —

Сливочный утренний воздух.

— . —

Вот, без подтасовок и заднего ума, запись, сделанная в апреле 91-го, за год до войны в Таджикистане:

«Едешь из Узуна в Душанбе. Указатели:

КОММУНИЗМ

Потом –

ПРАВДА

А дальше – горы, горы...»

— . —

1989 год:

Из центра, с оказией –

Буря над Азией.

— . —

Весной 1989 года, вскоре после ферганской заварухи, моя мама слышала в «нашем гастрономе на парке Кирова», как одна бухарская еврейка делилась впечатлениями:

– Эти узбеки – такие антисемиты, такие антисемиты. На бане было написано по-русски «Баня», так они эту баню сожгли.

— . —

КИЕВ-91

Здесь все

- стоят в очереди за квасом;
- толпятся у ОВИРов и агентств зарубежных авиакомпаний;
- носят нательные крестики поверх одежды;
- колотят своих детей на улице и кричат: «Вот придем домой, еще получишь!»;
- организуют малые предприятия;
- пьют кофе
- «довбаются» у себя в огороде;
- ходят в церковь, крестятся, кладут поклоны, но почти все женщины простоволосы;
- покупают доллары;
- удивление выражают возгласом: «Та ты шо!»;
- хоронят с оркестром и разбрасывают перед гробом цветы;
- уже не путаются в столицах Прибалтики, но еще путаются в столицах Средней Азии;
- не рассказывают анекдотов;
- молча стоят в очереди у бочек с квасом.

— . —

Главврач говорит:

– Мы получили новый приказ Минздрава, и наша задача предотвратить его в жизнь.

— . —

В Израиле популярна радиостанция РЭКА, вещающая по-русски. Особенно ее любят домохозяйки, владельцы автомашин и пенсионеры. Она делает хорошее дело, пытается помочь людям, прожившим всю жизнь в Ленинграде или Жмеринке, сформулировать новую реальность.

Я слышал по РЭКА такую фразу:

– Предъявлять нашей алии счет за незнание еврейской традиции и религиозности – все равно что алии из Эфиопии предъявлять счет за черный цвет кожи.

— . —

А еще на РЭКА проводят круглые столы. Разные специалисты высказываются по какой-то проблеме и отвечают на вопросы тех, кто звонит в студию.

Я слушал передачу про обрезание. Выступали раввин, историк и сексолог. Амплитуда обсуждения была весьма широка: от «союза с Богом» до «сексуальных стереотипов». Потом начались звонки.

– Але, говорит Циля Львовна Розенблат из Реховота.

– Слушаем вас, Циля Львовна.

– У меня есть вопрос.

– Пожалуйста, спрашивайте.

- Вы меня слышите?
- Слышим, Циля Львовна.
- Так я могу спросить?
- Да, конечно, спрашивайте. Вы в эфире.
- Что, уже?!
- Да, уже.
- Но у меня всего один вопрос.
- Пожалуйста, Циля Львовна.
- Я хочу спросить. Можно?
- Конечно, конечно, спрашивайте.
- Вы меня хорошо слышите?
- Пре-вос-ход-но.
- Скажите, может быть, я что-то не понимаю, но что такое «крайняя плоть»?

— . —

После возвращения из Израиля меня пригласила в гости Татьяна Бек.

Сидим на кухне, я рассказываю о Святой земле, она слушает, спрашивает.

Рассказываю о неделе книги в Иерусалиме, о ночной книжной распродаже в Ган а'Паамон – парке Колокола, о книжном изобилии, об интересных изданиях и о поразившем меня мальчике-хасиде. Хасидский отрок, с пейсами, в лапсердаке, в широкополой шляпе, покупал – я это видел сам – книгу Достоевского на иврите.

– Представляете! – говорю. – Федор Михайлович, наверно, в гробу перевернулся.

– Не перевернулся, – отвечает Татьяна Александровна. – Он в этом смысле с тех пор наверняка поумнел.

— . —

Конец света какими-то прорицателями был обещан в среду. День был солнечный, деревья стояли желтые и прекрасные.

У меня на службе все не клеилось; операции, взаимоотношения с начальством, больными, коллегами. Со службы ушел, когда стемнело. Сразу же на тихой улочке угодил колесом в яму, оно стало подло дребезжать, и погас передний фонарь. На улицах было много людей, трамваи почему-то не ходили, машины нагличали, норовили столкнуть в арык. Фара не горела, колесо дребезжало.

«Не хватало только попасть под машину. Вот уж действительно будет конец света», – думал я.

От Госпитального базара я сворачиваю на одну из Саперных, ту, где синагога. Это мой постоянный маршрут – мимо синагоги.

За окнами темно. На воротах висит белый транспарант, утром его не было. На том транспаранте веселыми буквами написано – не на государственном узбекском, не на молодом иврите и даже не угасающем галутном идише, а на родном великом и могучем языке межнационального общения:

МОШИАХ* УЖЕ В ПУТИ

Тут-то я чуть не падаю с велосипеда. Остаток пути бубнил прилипшие строчки:

*На часах уже двенадцать без пяти,
Машиах уже, наверное, в пути.*

* Правильнее – Машиах. Это еврейское слово попало в русский язык, как и Библия, через греков и теперь звучит – «мессия».

— . —

Реклама из журнала «Столица»:
«Гербалайф» – чудо американской медицины (похудание, омоложение, хронические болезни...)

— . —

Цыганов подал документы в ОВИР. Через пару недель наведалься узнать, получено ли разрешение, стал искать себя в списке.

– Ну что, вы есть? – спросил его пожилой еврей, стоявший рядом.

– Нет еще.

– А я таки есть. И теперь не знаю, то ли радоваться, то ли огорчаться.

— . —

Незадолго до отъезда Цыганов зашел ко мне. Мы сидели в раскладных креслах под виноградником, смотрели на цветущие урючины, пили кофе, разговаривали.

Я услышал, как в почтовый ящик бросили газету.

– О! Почту принесли, – сказал я, направляясь к воротам.

– Еще почта не сгинела! – выпалил Цыганов.

— . —

Мой одноклассник Юрка Олейник, оставшийся в истории афоризмом: «Чья бы корова молчала, а твоя б – не пиздела».

— . —

Моя тетка изобрела герундий в русском языке.
– С мелкой рыбы форш не тот, – говорит она.

— . —

Тетка:
– Я встретила свою общую знакомую...

— . —

Сейчас часто говорят «Чехов», когда хотят сказать «Христос».

— . —

Последней моей ташкентской публикацией стало объявление в местной газете о продаже мебели и посуды.

— . —

Шестой поезд на перроне Казанского вокзала – это уже Ташкент.

Иной воздух, другие, немосковские флюиды. Опять же, лица – ташкентские, фонтанчики узбекской речи.

Я пьян, не вдрабадан, но изрядно.

Меня провожают Костя Цветков с Ленкой, пришел Феликс Ветров.

В купе сидит невысокий и потому подчеркнута аккуратный человек.

«Бухарский еврей» – машинально отмечаю про себя по ташкентской привычке к этническим шарадам.

– Книжник? – спрашивает меня он.

В ответ я важно киваю.

– Я вас сразу узнал, – доверительно сообщает он.

Я раздуваю щеки и думаю пошло: «Вот она, слава».

Дорога длинная.

Все успевают познакомиться и подружиться ненадолго.

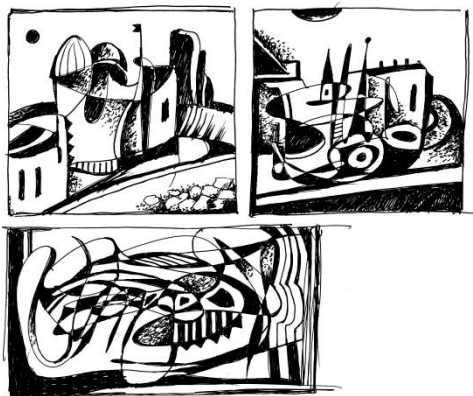
Бухарский еврей оказался армянином. На второй день в разговоре он поинтересовался:

– А как ваша фамилия?

Оказывается, он запомнил меня по воскресному книжному базару, который кочевал по Ташкенту, а в ту пору собирался на танцплощадке Клуба железнодорожников и где я изредка бывал.

Мой Бог, спасибо, что не оставляешь меня своим саркастичным вниманием.

— . —

— . —

Перестроечным ветром в наш быт было принесено множество новых вещей.

Пакетики «Yuri» были из первых.

Телевизионная реклама, сама по себе явление новое, назойливо объясняла и показывала, как содержимое пакетика высыпается в кувшин воды, и вода превращается, почти по новозаветной притче, в «натуральный сок».

На самом деле в пакетике был сахар и краска не самых природных оттенков. Но, наверно, каждый хоть один такой пакетик да купил.

Знакомый ребенок попробовал «Юпи» и сказал:

– Во-первых, гадость, а во-вторых, мало.

— . —

Невысокий, крепкий мужик, похожий на ездовую собаку.

— . —

Из лекции в институте усовершенствования врачей:

– Академик Туракулов – основоположник щитовидной железы.

— . —

Он был похож на Лермонтова. Но на такого Лермонтова, который на дуэли убил Мартынова.

— . —

Он знал довольно по-английски,
Чтоб этикетки разбирать.

— . —

Ко мне на службу зашла Нинель Васильевна Владимирова, профессор-тюрколог, рассказывает:

– Сегодня на Совете утверждали тему какому-то учителю из провинции. «Тургенев и ислам». При чем тут Тургенев? Ну ладно там Пушкин, Бунин, но – Тургенев? Сижу, ломаю голову. Выступает соискатель и говорит: «Тургенев очень уважал ислам. В тысяча восемьсот каком-то году он писал Фету, что если гора не идет к Магомету, то Магомет...»

Тургенев и ислам.

— . —

Знакомый анестезиолог беседует со мной о литературе:
– «Лолита» – отличная книжка. Когда я читал, у меня даже хуй встал.

— . —

Человек из тех, что начинают стихи со строчной буквы.

— . —

Девушка непорочная, как зачатие.

— . —

В Ташкенте, в Доме культуры швейников им. Индиры Ганди (название для настоящих ценителей соцарта), шел новый фильм.

У кинотеатра есть две афиши, одна слева у входа, а вторая подальше, на перекрестке с большой улицей.

На афише у входа сообщалось, что идет фильм «Маленький гигант большого секса».

А на той, второй, щадя целомудрие мусульманского зрения, написали:

«Маленький гигант большого».

На мой вкус, так вышло куда как фривольнее.

— . —

Израильское посольство для своего культурного центра арендует у швейников одно из боковых фойе.

Там за высокими резными дверями по-корабельному трепещут от сквозняка гирлянды бело-голубых вымпелов, девочки и мальчики обмениваются очередями трассирующих взглядов, ташкентские старики контролируют обсуждение Кнессетом суммы пенсионных выплат.

Сегодня я проезжал на своем велосипеде мимо ДК, большой стенд привлек мое внимание.

На выбеленной зыблющейся парусине было написано:

П А Н
С И О Н

«Ни фига себе!» – подумал я, притормаживая. Однако остолбенение скоро прошло, я понял, что идет новый американский фильм «Пансион».

— . —

Складной зонтик – хорошая, мужественная вещь.

А потому немного нескромная в руках молоденьких девушек.

— . —

Похерил алгеброй гармонию.

— . —

Тетка спрашивает:

– Вот объясни мне, в субботу в Израиле воскресный день, так что они сидят дома?

— . —

Из дневника:

Сегодня открытие Олимпийских игр в Лиллехаммере. Олимпийские игры проходят все чаще и чаще.

— . —

Тетка:

– Я сегодня купила дешевые яйца. Всего по сто пятьдесят.

– Где?

– В бывшей «Птице».

— . —
Три хасида, степенно беседуя, шагают по ташкентской улице Саперной.

Я обгоняю их на велосипеде и кричу:

– Шалом, хаверим!

– Сегодня суббота! Ты что вытворяешь?! – возмущенно восклицает мне вслед старший из них.

— . —

Про интеллигентного еврея в еврейской среде обязательно кто-нибудь скажет: «Гой».

А про интеллигентного русского – в русской среде: «Жид».

— . —

Еще одна кулинарная метафора литературного ремесла.

Текст можно подавать холодным, можно – горячим, но готовить только на огне.

— . —

Эфраим Севела – это как еврейский анекдот, рассказанный казахом, который никогда в жизни не видел евреев.

— . —

Вадим Новопрудский много лет проработал редактором. Он рассказывал мне о чирчикском геологе, который принес в издательство рукопись толстого романа.

Роман начинался так: «Они сошлись, как все люди».

— . —

Вайля и Гениса он называет «двуглавый еврей».

— . —

В мои персонажи неожиданно-негаданно угодили президент Узбекистана Каримов.

Говоря о невозможности двойного гражданства, которого так ждали русские в Узбекистане, он подвёл итог:

– У человека не может быть двух родин. Ведь сказал же поэт: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные позывы».

Я это слышал сам.

— . —

А вскоре он порадовал меня снова.

– Друзья мои, что же это у нас получается? Как говорят у русских, прокрустово ложе...

— . —

Следом за президентом Узбекистана в мои персонажи поспешил президент России. Он посетовал мне (посредством телевизора), что русский наш язык засоряется заёмными словами.

– Ваучер, ваучер... Зачем нам этот «ваучер», когда есть хорошее русское слово «чек».

— . —

Тётка говорит:

– Цезарь и Клеопарда.

— . —

Старики переходят улицу, заслужив право не обращать внимания на светофоры.

— . —

Мне звонит из Москвы девочка. У нее большое горе, ее бросил любимый человек, мой приятель. Получилось так, что я один знаю, как ей тяжело, я был посвящен в их тайну. Она живет в Москве и изредка звонит мне поболтать.

– Я читаю книжку Довлатова, – говорит мне она. – Ты знаешь, когда я думаю, что ОН (я правильно пишу, как она говорит «он», не «Он», как про Бога, а «ОН», как еще недавно говорила про моего приятеля) умер, то понимаю, насколько мелки мои неприятности. Что стоит все, случившееся со мной, если ОН – умер.

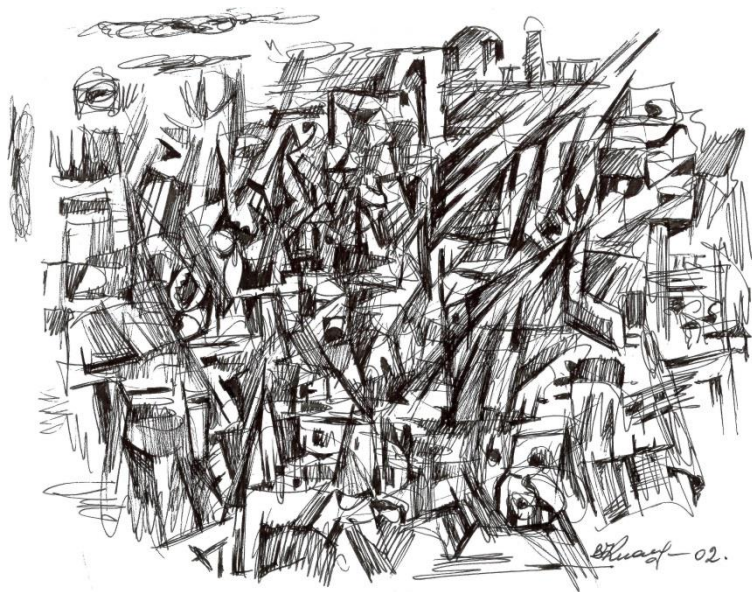
Она девочка неглупая и несентиментальная.

Современная, нынешняя такая девочка...

— . —

Том второй

— . —

Сейчас часто говорят «Христос», когда на самом деле хотят сказать «Чехов».

— . —

Мне почему-то кажется уместным, если бы хасиды при встрече отдавали друг другу честь.

— . —

Умерла Татьяна Бек.

За историю с ее участием из первого тома этой книги, напечатанную «Знаменем», она не то чтобы мне попеняла, но облачко по беседе нашей, как теперь стало ясно, последней проскользило.

Но был момент разговора, к которому я возвращаюсь все эти годы. Она спросила меня, почему мало пишу стихов. Я ответил, что редко происходит то колебание воздуха, которое предшествует писанию. Об этом мы говорили в первую нашу встречу, она спросила, и мне показалось, была удовлетворена моим косноязычным ответом.

И тут она сказала:

— Нужно уметь приманивать, вы же профессионал.

А было это 23 марта 1994 года, судя по надписи на книге «Смешанный лес», подаренной в тот вечер.

— . —

Когда встречаешься в южной части города, принято назначать встречи у «Чудовища».

В Иерусалиме есть маленький сквер, известный любому местному жителю.

Большую часть сквера занимает многоярусная горка, построенная в виде башки какого-то фантастического монстра, с выпученными глазами и свисающими до земли языками.

По этим языкам, собственно, и скатываются окрестные дети.

Судя по количеству граффити на поверхности головы, среди которых немало русских чудовищных слов, дети, и повзрослев, не расстаются с полюбившимся страшилищем.

Как-то, гуляя с маленьким Юрой, я прочитал табличку у входа в сквер.

Обычно такие таблички, гибриды городских указателей и благодарственных писем, сообщают имена обеспеченных американских евреев, которые жертвуют деньги на сооружение или покупку чего-нибудь общественно полезного, дабы увековечить на Святой земле имена ушедших родителей или маленьких братьев и сестер, давным-давно замученных в каком-нибудь Бабьем Яре, или безутешная вдова придает такие формы своему горю.

Табличка, не вдаваясь в объяснения, сообщала:

ПАРК им. РАБИНОВИЧА (чудовище).

Я представил, как неведомый Рабинович, умирая, завещал немалые деньги на увековечение своего имени в еврейской столице.

Вдова волю его выполнила, но при этом и поквиталась с ним кардинально.

— . —

Туалет был такой тесный, что, когда ты запирал за собой дверь, сразу запотевало зеркало.

— . —

Главные впечатления о Цюрихе связаны с туалетом.

Во-первых, умилило знание мужской анатомии и физиологии теми, кто сделал пепельницы возле каждого писсуара. Выходит, швейцарцам неведома эквилибристика справления малой нужды и уворачивания от снайперской струйки точно в глаз бьющего дыма с загнанной в угол рта сигареты.

Тронуло место для пеленания ребенка в мужском туалете. Ну не видел я прежде в мужских туалетах места для пеленания.

— . —

Италия. На машине дорожной полиции написано «Полиция страдалли». Чужой ведь язык, а как звучит приятно.

— . —

ЕЛ ПЕЗ ДОРАДО

Пабло. Имя пациента я прочитал на карточке.

Некоторые репатрианты из Латинской Америки сохраняют принятые там имена: Алехандро, Хосе или вот как этот.

По большей части они – внуки и правнуки евреев из местечек Украины и Белоруссии, которые в 20-е рванули от того ужаса, про который потом на киностудии Довженко и «Беларусьфильме» снимали картины, помеченные в анонсах как «героико-приключенческие».

Потомки сохранили свое еврейство, но абсолютно растеряли русский язык и все к нему прилегающее.

Они стали горячими мексиканскими парнями с голубыми глазами.

Опыт у нас разный, а корень общий. Про смешанный брак, страх еврейских родителей в рассеянии, они рассказывают так:

– Моя сестра выскочила замуж за индейца.

Я стал на иврите расспрашивать Пабло о его жалобах, но он вдруг перешел на русский, без капли акцента.

– Откуда у вас русский?

– Да не Пабло я, Павел. Мы приехали уже с украинскими паспортами, и там было написано Павло.

На иврите пишется одинаково.

Название я позаимствовал у другой пациентки, самодеятельной художницы из Мексики.

Так в каталоге называлась ее картина с золотой рыбкой. Хорошо звучит.

— . —

Юре было года три, не больше.

В парк, где мы с ним гуляли, привели целый класс девочек из религиозной школы.

Юра тихо спросил:

– А почему эти девочки как бабушки?

«МАСЛО И МАРГАРИНА»

Перечитал «Мастера и Маргариту» и обнаружил кое-что новое для себя.

- Оказывается: Булгакова люблю много меньше, чем раньше. Может, только «Белая гвардия» да «Записки юного врача» остались у меня на прежнем месте.

- «М и М» за время моей жизни из полузапретного лакомства для интеллектуалов перешел сначала во фрондерски-антисоветское, потом – в массовое чтение, а оттуда мягко спланировал в чтение для детей и юношества.

- Очень много «гудковщины», ильф-петровщины просто скучной.

- Иерусалимские главы слишком манерные и вычурные.

- Вдруг стало видно, и что роман не дописан, и что писан в уремии.

Название я услышал от знакомой девочки, которая сказала родителям, когда вышел фильм Бортко:

– Что, опять будете смотреть «Масло и Маргарина»?

У нас здесь маргарин женского рода.

— . —

Это был год 93-й или 94-й. К моей жене, тогда еще будущей, приехала погостить ее американская приятельница, назовем ее Джоан. Тем более что ее так и звали. Приехала она не одна, а с танцовщицей танцев мира Лори. Та прибыла изучать узбекские пляски.

В продуманном для гостей маршруте фигурировала опера Гершвина «Порги и Бесс» в театре Навои.

Вспомнив ташкентский театр оперы и балета, полагаются сказать два заклинания.

Его проектировал Щусев, который – мавзолей. Его строили пленные японцы. Теперь можно продолжать.

Места у нас были козырные, что-то там в партере, посередине, как раз чуть повыше сцены. Хихикать мы начали минут через пятнадцать, а к концу спектакля уже просто кусали кулаки и боялись посмотреть друг на друга.

Ну как-то совсем происходившее на сцене не было похоже на негритянский поселок Кэтфиш-Роу в Южной Каролине.

Смешон был немолодой бухарский еврей с брюшком, лишь подчеркнутым широким шелковым поясом, в роли порывистого портового хулигана Кроуна.

Смешна была густо намазанная ваксой немолодая soprano – Бесс.

Но подкосили нас ставшие в круг нагутаиненные, с золотыми зубами, пожилые узбечки – пощелкивающими пальцами они изображали искрометные негритянские танцы.

Когда мы наконец вышли под каштаны и чинары, окаймлявшие театральную площадь, Лори сказала Джоан нечто достойное уважения:

– Наверно, они испытывают что-то такое, когда мы ставим «Бориса Годунова» или «Дядю Ваню».

— . —

Александр Файнберг рассказывал, как на студии «Таджикфильм» (ведь была же такая студия) познакомился с человеком, который написал песню:

*Сигарета, сигарета,
Ты одна не изменяешь.
Я люблю тебя за это.
Да и ты об этом знаешь.*

Песню пели во всех ресторанах на просторах нечеловечески огромной страны. А потом заполнялись какие-то бумаги, и, согласно этим заполненным бумагам, выдавливалась капля-копеечка, эти капли собирались в ручейки, те сливались в широкие бурлящие денежные реки, которые обрушивались на поэта и композитора. Автор «Сигареты» построил дом, купил машину – рассказывал Файнберг, – от денег не ошалел, поэтом себя не считал, над песней посмеивался.

— . —

Каждое поколение в глубине души уверено, что такое упоительное занятие, как секс, придумали они.

— . —

— . —

До десяти лет меня на лето отправляли к бабушке в Запорожье (потом я поменял маршрут на противоположный – на каникулы ездил к бабушке в Ташкент, но это другая история). Из Запорожья я возвращался гэкающий и шокающий на украинский манер.

И родители начинали меня возвращать в русло нормативного русского произношения, бытовавшего в ту пору в Ташкенте.

Ташкентские бабушка с дедушкой в этом процессе не участвовали, поскольку гэкали поболее моего, да еще припевали на манер еврейский. Так, бабушка на любую попытку выразить сомнение в правильности ее поступка отвечала образно, но однообразно:

– Хто усрався? Невистка.

Жили мы все в большом доме на улице Курской. Несмотря на свое березовое название, она находилась внутри узбекской махалли.

Сейчас ее переименовали, и правильно сделали. Какая она, к черту, Курская, если я на ней не живу?

Все улочки стекались к большой улице Шота Руставели, где ходили автобусы, были магазины и высокие дома.

Возвращение меня к правильному русскому произношению давало иногда неожиданные плоды. В какой-то момент я стал говорить:

– Улица Что-то Руставели.

— . —

Девочку, дочку моих знакомых, так долго водили к логопеду, что она стала говорить «рогопед».

СИЦИЛИЯ

- В зоомагазине продаются щенки.
- Сиракузы находятся в Сицилии. Одна из площадей носит имя знаменитого земляка. Красивая площадь, с фонтаном. Площадь имени Архимеда.
 - Народ теплый, дружелюбный, охотно помогают, на шутку отвечают. Английского не знают, но все равно – на шутки отвечают.
 - Цветную капусту, фиолетовую, как сирень, мы видели впервые.
 - На рынках можно торговаться. Как в Ташкенте.
 - Меч-рыбу для удобства транспортировки сворачивают в кольца.
 - Машины все больше с ручной коробкой. Поэтому «фиатом» рулила Женя, поскольку я не умею. Моей обязанностью было глазеть по сторонам, чем я и был занят. Очень красиво. Пару раз навигатор давал сбой, и тогда мы заезжали в места такой небывалой красоты, к таким замкам, притулившимся к скалам по-над заливами, наполненными всеми оттенками синего и зеленого.
 - Все тоннели и мосты, а их множество, имеют имена. У Евгения Рейна, кажется, была книжка «Имена мостов».
 - Углы неметеных ступеней и обочины дорог засыпаны крупным черным песком, это лава. Лава Этны. Последний раз она извергалась дней за десять до нашего приезда. Один раз дети заметили, что ветер придавал такой кучке форму Италии.
 - На Этну мы таки поднялись. Для этого сначала Женя петляла по серпантину, ставя машину чуть ли не на задний бампер. Из облачного весеннего дня мы, преодолев облака, поднялись в день солнечный.

Потом фуникулер притащил нас в снег.

Мимо, как пули, засвистели шальные лыжники. Потом монструозные, воняющие соляжкой, гибриды автобусов с вездеходами, гремя цепями на колесах, потащили нас на вершину по снежной траншее со стенами четырехметровой высоты.

Но и это был не конец пути. Дальше нужно идти через выдувающий части внутренних органов ледяной ветер по кромке кратера.

Кромка была сухой и горячей на ощупь. Невдалеке с видом слободской шпаны угрожающе дымили боковые кратеры.

Когда фуникулер вернул нас в солнечный весенний день, а тетенька в местной кафешке, оказавшаяся выпускницей романо-германского факультета Ивано-Франковского универа, накормила нас пиццей и брускетой, то последующее рассекание облаков и возвращение в хмарь не показалось таким уж трудным.

- Из Мессины виден носок итальянского сапога. С этой стороны Мессинский пролив охраняла Харибда. Многоголовая Сцилла, несмотря на созвучность имен, сидела на материковой части.

- Пассаж Виктора-Эммануила в Мессине, поменьше миланского, находится в полном упадке. Метлахская плитка выщерблена. Стены покрыты вездесущим лишаем граффити. Но витражные потолки целы и прекрасны.

- На башне у кафедрала, который восстанавливали многожды после разрушений, два раза только в прошлом веке – после знаменитого землетрясения и американской бомбардировки, установлены часы с фигурами.

В полдень оглушительно рычит золотой лев, а потом начинают двигаться остальные фигуры под громкое исполнение «Аве Мария».

– Хороший будильник, – сказал Юра.

— . —

– *Лучше заходите. Вы где сегодня обедаете?*

– *Не знаю еще.*

– *Поехали в «Макдоналдс», на окраину?*

Ю. Семенов. «ТАСС уполномочен заявить»

Наверно, до конца своих дней я буду расставлять на доске сваленные в юности в кучу шахматные фигуры представлений и понятий.

Нам, ну ладно – мне, глядевшему на огромный мир сквозь ржавые прорехи в железном занавесе, невесть что рисовалось натруженным воображением.

Постепенно стало выясняться, что Юлиан Семенов подло стебался надо мной.

Что прогулка главных героев «Бессонницы» Крона по Парижу – это вовсе не образец свободы и элегантности, недосягаемый и манящий, а полная беспонтовщина, отстой и скука.

Теперь нужно было добраться до Сицилии, чтобы понять, что премия «Этна – Таормина», присужденная в 1964 году Ахматовой, – это не государственная премия Италии по литературе, как казалось прежде, а маленькая скромная провинциальная награда.

Я понимаю ощущения семидесятипятилетней А. А. после всех кошмаров ее жизни, оказавшейся на несколько дней на Сицилии.

Где вручалась премия? Наверно, в Таормине, не на Этне же.

И шлейф из чиновных коллег, типа Миколы Бажана, пристегнутых к ней, наверно, не испортил радости от вида залива с горы, от возможности прополоскать горло итальянской речью.

— . —

Совет охотникам.

Муху-дрозофилу нужно хватать за хромосому.

— . —

Чабрец – это такая чудесная травка, которая может любой чай превратить в грузинский.

— . —

В лагуне между Венецией и Сан-Микеле стоят в воде две фигуры. Бронзовые мужики. Издалека трудно разглядеть, но кажется, что как бы беседуют.

Ни в каких путеводителях про мужиков ни слова.

Ну кто может быть: Маркс и Энгельс, Навои и Джами?

Тут натыкаюсь на блог, где хлопец выступает с подробнейшим фото-рассказом о поездке в Венецию. Все названия хорошо артикулирует. Скуола ди Сан-Джорджо дельи Скьявони, как нечего делать. Я его спросил про бронзовых мужиков. Нет, не знает, не видел. Ну и я тут опять погуглил, но плотно так. Нашел.

Памятник Данте и Вергилию. Работа скульптора Фаргуляна. Подарок городу.

Ну и написал я этому блогеру-путешественнику. Он мне отвечает. Хорошо, что нашел, пишет, мол, молодец. Теперь бы только узнать, кто такие эти Дант и Вергилий.

Я потом перечитал еще раз. Нет, не шутит.

ДВЕ ИСТОРИИ ПРО ДОКТОРА Р.

Вместе с доктором Р. мы служили в иерусалимской больнице «Врата правды».

Голубоглазый, спокойный, прохладный и очень доброжелательный, он консультировал всю больницу по узкому, но очень важному разделу терапии.

Я там начинал, причем начинал по всем статьям: новая специальность, слабое знание языка, незнакомая структура всего больничного устройства. Поэтому я очень хорошо помню тех, кто относился ко мне по-человечески.

История первая

У Р. заболел сын-подросток, аутоиммунное заболевание почек. Не сразу, но определенно замаячили на горизонте недостаточность и диализ. Я присутствовал на обсуждении. Р. сказал:

– Мы поняли, что он болен, когда он вдруг стал такой послушный.

История вторая

В нашей армии есть подразделение «Мистаравим», если перевести на русский – «подаравившиеся». Бойцы его проводят разные хитрые операции среди арабов, при этом выглядят как арабы, ведут себя как арабы, говорят на арабском, ездят на арабских машинах.

Ясное дело, что абы кого в «Мистаравим» не берут. Доктор Р. служил в этом подразделении, но давным-давно демобилизовался вчистую, по возрасту.

– Поверишь, – говорит, – я даже сны тогда видел на арабском.

Он рассказывает, что к нему поступил арабский дедушка, старенький, очень больной и ни бельмеса не знающий на иврите. Полечил его Р. успешно, дед очухался и стал всячески доктора благословлять.

– Я ему и ответил, поблагодарил, здоровья пожелал. Он обрадовался. Но я увидел, как затвердело лицо его сына. Оно и понятно: египетский арабский, без акцента, в средней школе не выучишь.

Я и зарекся: все, больше я арабского не знаю.

— . —

Традиционный субботний послеобеденный поход с сыновьями в кино. На этот раз их выбор пал на «Великого Гэтсби». Добротная экранизация, качественная игра, надежное оформление. Но все равно есть мотивировки более внятные тем, кто знаком с романом.

На выходе две пожилые пары местных уроженцев интересуются:

– Как фильм?

– Прекрасно, – говорю. – Особенно если читали книгу.

– Мы не читали. Стоит?

– Да, – отвечаю.

– Мы уже не успеем, – с фатальной безысходностью говорит один из них.

Я не сразу, но понимаю, что они заходят на следующий сеанс.

— . —

В конце рабочего дня ко мне в кабинет зашел посоветоваться уролог, моего возраста человек, в 70-е привезенный ребенком из Румынии. На мониторе был раскрыт russ.ru, текст с картинками-баннерами по краю.

– Кто это? – спрашивает.

– Достоевский.

Он видит слово «Երեւան».

– Знаешь, в семидесятые в Румынии было навалом анекдотов про «радио Ереван», и совсем непонятно почему. И не про армян вовсе...

— . —

Пифагор, древнегреческий математик и философ, на других языках, в том числе и на иврите, называется – Питагорас.

Сын мой Юра, который по-русски-то говорит, но язык этот для него все равно не родной, осторожно так интересуется:

– Почему, когда папу на дороге подрезают, он Пифагора вспоминает?

— . —

Признак бюстгальтера. Рентгенологическое.

Гериатры говорят, что если на снимке легких виден лифчик, то пациентка не в деменции.

— . —

Внутри себя женщина худая. Об этом знают рентгенологи, специализирующиеся на СТ (компьютерной томографии), ну, те из них, кто повнимательнее.

Толстые мужчины, они толстые везде: толстый слой подкожного жира, жир внутри живота, органы раздвинуты жиром, правая почка отделена от печени толстым слоем жира, тогда как у худощавого человека они лежат, нежно прижавшись друг к дружке.

Не то женщины. Как бы ни была толста женщина, внутри нее всегда живет худенькое тело, а жир только снаружи окутывает ее, как кокон.

— . —

Я ЗАГОРАЛСЯ И ГАС

Пришел арабский доктор, недавно принятый в больницу, попросился посмотреть операции.

В перерыве я спросил, где он учился.

– В Германии. Маленький город рядом с Франкфуртом.

– Что за город? – говорю, скорее чтобы поддержать разговор.

– Марбург.

– А-а-а...

Открываю рот рассказать про Пастернака, Иду Высоцкую, «как трагик в провинции драму Шекспирову». И – закрываю, слишком много объяснять.

Потом было снова открываю рот – Ломоносов: Холмогоры, МГУ, мозаика. И снова – закрываю.

Про Сергея Есина – я сочувственно отношусь к рефлексиям этого писателя, с его травелогом «Марбург», – я уже и рта не раскрывал, зачем?

— . —

Игорь Бяльский рассказывает о презентации 44-го номера «ИЖ» в Хайфе.

– Подошла женщина, – говорит он, – и спрашивает: а стихов М. К. тут нет?

– Женщина? В Хайфе? Наверно, мама Алика.

И тут до меня доходит, что я знаю лично всех своих читателей.

— . —

БЕЗ НАРКОЗА

Работать врачом в Израиле я начал в урологии одной иерусалимской больницы. Урологическая карьера оказалась недолгой, но одарила разнообразными впечатлениями и осталась строчкой Юлия Кима в стихотворении «Миша».

Был там старший врач, араб из Восточного Иерусалима, толковый доктор, оперировал неплохо. Но урология – это не только операции, но и куча мелких и весьма болезненных процедур: места-то все больше чувствительные.

Я обратил внимание, что когда пациентами были арабы, то доктор тот не особо утруждал себя анестезией.

Быстро и по-живому делал манипуляции. Видимо, считал, что со своими можно не чикаться.

К чему я вспомнил об этом? Да вот такая новость навела:

В Узбекистане фермер совершил самоубийство после того, как его избili на собрании в районном хокимияте (администрации). Об этом сообщает Uznews.net. Инцидент произошел в конце июля в Кошрабадском районе Самаркандской области.

Похоже, что, оставшись наедине, там решили не заморачиваться анестезией.

— . —

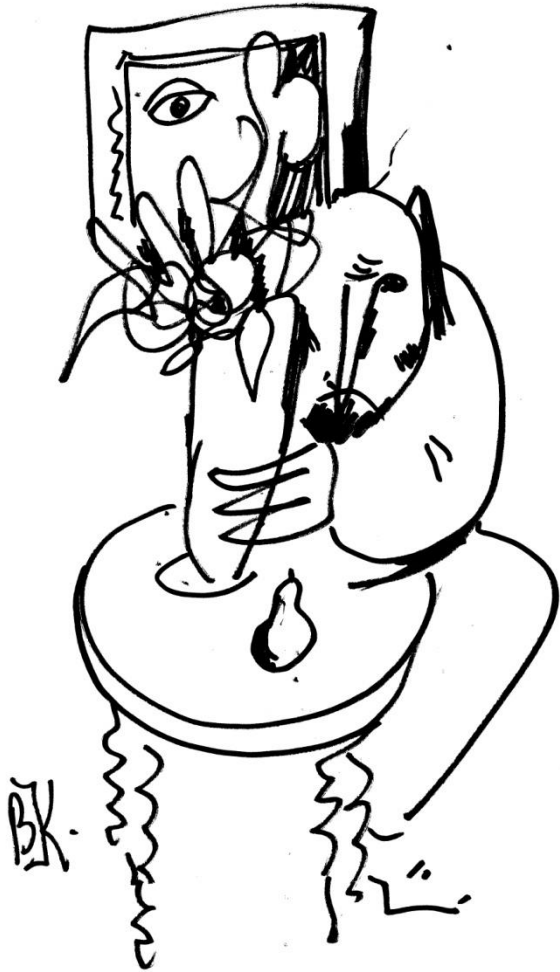
Страна готовится к муниципальным выборам. Все снова заклеено плакатами в стиле ранних 80-х, новые веяния еще не спустились на муниципальный уровень. По работе или какой другой надобности мне приходится бывать в десятке городов и городишек, предвыборная агитация маячит на виду. На всех, то есть абсолютно на всех претендентов хочется завести уголовное дело, просто за выражение лица.

— . —

Читал, давно, когда еще читал газеты.

Некая филологическая дама с Украины репатрировалась в Израиль, помыкалась и свалила в Канаду, мыкаться. В конце концов прибилась к украинской общине читать лекции по украинской литературе. Ее там и спрашивают:

— Дивчина, а ты часом не из жывив? Бо дуже гарно про нашого Франка розповідаеш.

ХАСИМА

Известно, что русский язык, находясь в иноязычной среде, неизбежно из этой среды всасывает словечки, неперевоаемые понятия, междометия.

В Ташкенте говорили «урюк» вместо «абрикосы», прощаясь, могли сказать: «Хоп». У чуткого Довлатова мелькают фудстемпы и ланчонеты.

Израильский русский язык тоже не исключение. Даже пуристам тут легче сказать «мазган» и «махшев», чем «кондиционер» и «компьютер». А уж в медицине – море разливанное: ивритские и английские термины летают стаями.

Вот, например, слово «хасимá», аналог английского «occlusion».

Абсолютно точного русского эквивалента нет. Все слова: закупорка, помеха, непроходимость – чуть-чуть неточны.

Поэтому когда мы с коллегой обсуждали пациента в присутствии доктора, приехавшего на стажировку из России, то предполагали, что говорим по-русски:

– Там полная хасима, нам делать нечего.

– Нет, хасима не полная.

– Полная.

Наш стажер осторожно так поинтересовался:

– Хасима – это жопа?

— . —

НА БУКВУ «Г»

Раз уж пошла речь о радостях двуязычья...

Оттого что наши старики – это имперские старики, иврита они не знают и по прошествии двадцати лет.

На Ближнем Востоке знание языков диктовалось рынком и не было синонимом образованности, поэтому все, кто соприкасается с нашими стариками, знают немного по-русски. «Дишите не дишите» и «гречка». Секретарши в больничной кассе уже давно выучили, что если дед жалуется «болят зубы», его не нужно посылать к урологу.

Когда меня вызывают в больницу ночью, то я должен вызвать всю бригаду – медсестру и рентгентехника. Днем у нас хорошие отношения, но ночью они меня ненавидят. На невинный подкол техник взвизгивает и говорит:

– Не заставляй меня называть тебя грубым русским словом на букву «г».

– Говно, что ли? – спрашиваю.

– Нет.

– Гондон?

– Нет.

– Больше я не знаю.

– Не притворяйся, – угрожливо говорит он.

– Клянусь.

И он победно выкрикивает:

– Голбоёб!

— . —

ИЗ БРЭМА

Антисемитизм бывает двух видов: здоровый и больной (параноидальный).

Здоровый антисемит ненавидит евреев. Тут и объяснять нечего.

Больной антисемит считает евреями тех, кого он ненавидит: Путина, Обаму, Усаму бин Ладена, Папу римского, Киркорова, соседа сверху.

— . —

Ирина Левонтина, автор чудесной книжки «Русский со словарем», рассказала историю Марка Гринберга.

Обсуждали в скайповском чате с Верой Мильчиной, как писать: «Долго не может он отвязаться от продавца библий...» или «Долго не может он отвязаться от продавца Библий», и она меня угостила дивной историей, которую с ее разрешения препровождаю дальше (наклеиваю):

«Дословная фраза Розенталя на его каком-то последнем -летиш (слышала лично моя мама).

Старик сказал: я еще на покой не ухожу.

Еще много нерешенных вопросов в русском языке.

Не буду спокоен, пока Муркины котята пишутся с прописной, а ленинские соратники – со строчной.

Еще было советское время».

— . —

Медбрат, с которым мы вместе работаем, лет на десять младше меня, уроженец большого украинского города, среагировал непониманием на какую-то простенькую цитату из Высоцкого в разговоре, что-то типа «Вы не смотрите, что Серега все кивает, он соображает, он все понимает».

На мое удивление объяснил:

– Мы же не поколение Высоцкого. Мы поколение Джигурды.

— . —

Курсе на пятом к нам на хлопок прислали двух преподавателей из расформированной провинившейся бригады.

Одного звали Иоффе, второго – Александром Сергеевичем. Ни имени первого, ни фамилии второго я не помню.

С А. С. мы подружились после того, как он сказал, что я в поле иду, как Лев Толстой – борода, палка, меховая шапка пирожком.

А я ему ответил:

– Александр Сергеевич сказал, что Михаил Юрьевич ну прям как Лев Николаевич.

Как-то вечером он говорит:

– Сегодня с Иоффе плотно разговаривали про науку.

– Ну и как? – спрашиваю.

– Для еврея слабоват.

— . —

— . —

Пациент на своих ногах принес направление на амбулаторное СТ головы. В направлении была обозначена и причина: «Дорожно-транспортное происшествие (Total lost)».

— . —

Моя тетка стала настоящей израильтянкой:

– Лес почти настоящий. Только нет столов и скамеек.

— . —

НА «КАМП НОУ»

Билеты на футбольный матч «Барса» – «Севилья» мы купили в кассе на стадионе перед началом игры. За наличные.

Добравшись до своих мест на трибуне «Камп Ноу», мы застали рядом с собой группу из пяти молодых египтян, возбужденно и шумно фотографирующихся в разных сочетаниях и позах.

Вопрос, как говорится, на засыпку: как я определил, что они египтяне?

Отвечаю: они все это проделывали с развернутым египетским флагом.

– На каком языке нам разговаривать? – осторожно поинтересовались у меня мои дети.

– А на каком языке вы можете *разговаривать* кроме иврита? – ответил я вопросом на вопрос.

Вскоре Юра обратил мое внимание на пожилую пару, поднимающуюся по проходу в нашем направлении.

– Израильтяне, – сказал Юра и оказался прав.

Вопрос на засыпку: как он определил?

Отвечаю: по совокупности. По лицу уроженца страны, в котором уже не различишь сефарда от ашкеназа. По спокойному, уверенному взгляду без вызова, выдающему опыт службы в боевых частях. По вынесенной оттуда же железной мышце, которую не под силу никаким годам скруглить жиром. По застиранной брендовой майке. Какой-нибудь «ральф лорен», «трюссарди» или «наутика», купленный женой, удобная вещь и на работу, и на пробежку, потому что он срать хотел на всякие бренды, и сразу – в стиралку.

Места израильской пары оказались тоже вплотную к египтянам, но с другой стороны.

Не знаю, было ли израильское окружение тому причиной, но египетские хлопцы весь матч вели себя очень тихо.

— . —

На третьем году нашего пребывания в Стране мы сменили квартирку из разряда «для начинающих» в Гило на квартиру посла в Австралии. В подъезде вокруг лифта росли ухоженные тропические растения. Дом элегантно и одиноко стоял среди лужаек в иерусалимском парке Рамат-Дения.

От посилицы, сдавшей нам вместе с квартирой роскошную библиотеку с полной «Британикой» и обстановку красного дерева, мы получили наказ: мебель натирать специальным маслом.

Для любознательных и практичных уточню, что арендная плата между этой квартирой и той, предыдущей, отличалась долларов на семьдесят, что уже тогда ощущалось, как говорят узбеки, не так уж.

В застекленной лоджии стояло гнущее кресло с вытертой обивкой.

– Я его купила на аукционе, это кресло Киссинджера, –
объяснила хозяйка.

Имя хитрого госсекретаря при Никсоне, так комично
похожего на чем-то симметричного ему Валентина Зорина,
много говорило людям нашего возраста и происхождения.

По новому жилищу мы водили экскурсии наших дру-
зей, завершающим аккордом которых было оно, кресло
Киссинджера.

Так продолжалось до тех пор, пока мы не услышали,
как старший сын объяснял друзьям:

– А это кресло Бэсинджер.

Младшим детям уже пришлось объяснять, кто такая
Ким Бэсинджер, или Бейсингер, как сейчас принято ее
называть. Секс-символы отцветают быстро.

ЖАЛОБА

На Рош а-Шана мы с семьей поехали к многоюродным моим дядьке и тетке.

Они живут на севере, в прошедшем году вышли на пенсию и, наконец, переселились в новую квартиру, которая несколько лет строилась.

Нам сначала показывали место, где будет дом, потом разные стадии возведения.

Тетка с дядькой – большие любители и мастера потравить байки.

Вот одна.

Лет тридцать тому тетка была уже опытным врачом, но при этом молодой и красивой женщиной. Такой, знаете, из разряда «хорошая девочка».

Вызывает ее главврач и говорит:

– Ирина Львовна, поступает на лечение пациент Х. Убедительно прошу вас взять его в свою палату. Каждая предыдущая его госпитализация заканчивалась жалобой, комиссиями, разборами. Так что на вас вся надежда.

Тетка полечила его, обаяла.

Выписался он страшно довольный и обещал прислать благодарность.

Тетка отнекивалась.

Через какое-то время Х. позвонил, поздравил с праздниками, поинтересовался между прочим, получила ли доктор его благодарность.

После праздников вызывает ее главврач:

– Ира! Ну вспомни, мы тебе благодарность зачитывали?

– Зачитывали – не зачитывали, какая разница?

– Большая. Х. на нас жалобу написал, что мы его благодарность замылили.

— . —

Еще одна история из того же источника.

Дядькин друг обслуживает лифты в жилых домах.

Вызывает его управдом. Такая местная разновидность – выбранный общим собранием жилец, собирающий со всех деньги и тратящий их на общие нужды: на починку крыши, уборку подъезда или вот – на лифт.

Дядькин друг и говорит этому управдому:

– Слушай, что у вас подъезде такой срач? Все запущенно, замызганно, грязно, даже – в лифте.

– Что вы! – говорит управдом. – У нас очень интеллигентные жильцы. Все – из Самарканда.

— . —

Байка Юрия Липиченко.

В Запорожье приехал всемирно известный собачий авторитет, судья конкурсов, отбирать участников для ба-а-альшого собачьего смотра. Запорожский бомонд понес и повел своих любимцев, взлелеянных обладателей богатых родословных, за которые, между прочим, деньги *плочены*.

И начались отбраковки.

– Что же делать?! – в отчаянии вопрошали хозяева рухнувших надежд.

– Любить и жалеть, – невозмутимо отвечал судья.

— . —

В Ташкенте про блюда, в которые не кладут курдючное сало, говорят «диетическое».

— . —

Аркадий Сигал тонко заметил: «Нравится вам это или нет, но в иврите звуки “П” и “Ф” отображаются одной и той же буквой».

Да и с гласными не все гладко.

История эта случилась с моим коллегой-рентгенологом. Зарабатывал он на жизнь тем, что по-русски по-прежнему называется как израильский автомат – УЗИ.

Поскольку речь идет о заработках, то процесс был достаточно оптимизирован. Делая исследование, он диктовал секретарше результаты.

Закончив, пока пациент утирался от отвратительного, но абсолютно безобидного геля, которым густо смазывается исследуемая область тела, врач объяснял суть находок, секретарша распечатывала ответ и в микрофон выкрикивала имя следующего пациента.

Очередь томится в коридоре, вслушивается в голос из динамика.

– Разговариваю с пациентом, краем уха слышу, секретарша объявляет торжественно: «Пидор Трахов!»

Хватаю карточку, читаю: «Федор Терехов».

Говорю секретарше: «Беги! Он тебя убьет».

— . —

Есть совсем немного стран (кроме СССР, конечно) – Израиль, Италия, еще почему-то Америка, чье прошлое – содержимое барахолок, блошиных рынков, все эти заколки, зеркальца, письменные приборы, тетрадные обложки, баночки из-под леденцов – не ощущается мною как чужое.

— . —

В моем детстве полагалось смотреть фильм «Цирк», который достаточно часто показывали по телевизору. То был верный индикатор состояния еврейского вопроса.

Если в финальной колыбельной появлялся Михоэлс, значит, погода на дворе стояла либеральная, а если Джеймс Паттерсон обходился без куплета на идише, то всё – заморозки.

Думаю, разница между погодой была не столь уж существенна, но мои домашние следили внимательно.

— . —

Из переписки.

– С форума по кулинарии: «Подскажите, надо ли в тарталетки с черной икрой добавлять масло?»

Первый комментарий: «Будьте прокляты».

– А потом говорят, что революцию немцы импортировали.

— . —

Лобби больницы сплошь увешано картинами.

Коллекцию копий шедевров мировой живописи, хороших копий по большей части, но в первоклассных рамах – все подарил миллионер и благотворитель.

(Поначалу висела и обнаженная натура, но восстали ортодоксы, и руководство больницы, блюдя свой интерес, венер приборало. Хотелось бы знать: куда?)

Глазу приятно, объяснять удобно.

Скажешь: «Доходишь до автопортрета Анри Руссо и поворачиваешь налево», – и все понятно.

Доктор из Казахстана, приехавший на стажировку, заговорщицки говорит коллеге и земляку:

– Ты видел, как евреи Ленина вскрывают?

И подводит его к рембрандтовскому «Уроку анатомии доктора Тульпа».

Если свежим взглядом посмотреть на картину, то понять нашего гостя можно. Я другого понять не могу: как он доучился до врача, сохранив эту невинность взгляда. Можно стать врачом, ни разу не видев Джоконду, но урок анатомии висел в мое время на разных кафедрах и в учебниках мелькал. Неужели сняли?

— . —

Доктор Л. – мой коллега, дважды коллега. Мы одновременно начинали в столичной больнице «Врата правды» и сейчас работаем в одном месте. Он родом из Бразилии. Если обед сводит нас за одним столом, то хорошая байка мне гарантирована.

Армия в Бразилии контрактная. Служить там престижно: платят хорошо, куча льгот. Но нужно сдать вступительный экзамен – проверяют грамотность, интеллект.

Брат моего коллеги учиться не хотел, решил служить.

На экзамене слышит посвистывание-поцикивание сзади, оглядывается – огромный негр шипит:

– Белый, а белый, сдвинься, дай списать.

Брат чуть сдвинул стул. Негр утих, пишет.

Вдруг:

– Ты! Пошел вон отсюда!

Это рявкнул офицер, назначенный наблюдать за порядком на экзамене.

Негр с ходу начинает ныть:

– Ты расист, ты меня выгоняешь потому, что я черный.

Офицер отвечает:

– Мне плевать, что ты черный. Мне даже плевать, что ты списываешь. Я выгоняю тебя, потому, что ты – идиот! Ты зачем имя его списал? Или ты будешь утверждать, что тебя зовут Шломо Зальцман?

— . —

Жена вернулась из Женевы (тут бы поставить точку, получилась бы стихотворная строка, но я продолжу), где отчасти вела, отчасти слушала курс по недоступному моему бедному разумению аспекту диагностики болезней крови.

Народу немного, из разных стран, все милые, дружелюбные люди. По вечерам долгие, скучные и неизбежные обеды в ресторанах. Все ученые, и разговоры ведут ученые. Подали телятину, и профессор из Алжира говорит профессору из Турции:

– Обратите внимание, что кроме нас за столом все – левши. Все держат вилки в левой руке.

— . —

Периодически видя современные российские сериалы, обратил внимание на новый типаж главного героя: невысокого роста, мелковатый такой, со скудноватыми чертами незапоминающегося лица.

Не думаю, что это директива сверху, просто художественное влияние главного сериала.

О ВАГОНЕ «ДЛЯ УСТРИЦ»

Тут неподалеку процитировали Максима Горького, цитата известная:

Этот чудный человек, этот прекрасный художник, всю свою жизнь боровшийся с пошлостью, всюду находя ее, всюду освещающая ее гнилые пятна мягким, укоризненным светом, подобным свету луны, Антон Павлович, которого коробило все пошлое и вульгарное, был привезен в вагоне «для перевозки свежих устриц» и похоронен рядом с могилой вдовы казака Ольги Кукареткиной. Ему – все равно, хоть в корзине для грязного белья вези его тело, но нам, русскому обществу, я не могу простить вагон «для устриц». В этом вагоне – именно та пошлость русской жизни, та некультурность ее, которая всегда так возмущала покойного.

И уже битых сто лет склоняют тех устриц на разные лады.

Основоположник соцреализма был, конечно, писателем талантливым, но при этом ни умом, ни вкусом не отличался.

Представьте себе: в разгар лета, в июле нужно перевезти тело с юга Германии в Москву.

Вагоны-холодильники уже существовали, но предназначались они для перевозки экзотического товара, тех самых устриц.

Никто говядину и куриные окорочка через океан не возил. Представьте себе похоронные хлопоты в мире, для тех хлопот абсолютно не приспособленном.

Только сноб с дурным вкусом мог увидеть в том вагоне пошлость, нормальный человек увидел бы трогательную и мучительную деталь.

Горький, наверно, хотел бы написать так:

Выдумывание художественных подробностей и сближало нас, может быть, больше всего. Он был жаден до них необыкновенно, он мог два-три дня подряд повторять с восхищением удачную художественную черту, и уже по одному этому не забуду я его никогда, всегда буду чувствовать боль, что его нет.

Но тогда он был бы совсем другим писателем. Только зачем уже сто лет повторяют за ним откровенную пошлость?

— . —

Недавно обнаружившийся в моей жизни детсадовский (!) дружок Сеня руководит постройкой трибуны иерусалимского стадиона «Тедди». Она замкнет трибуны в правильное стадионное кольцо.

Когда мы приехали, то трибун тех было всего две, параллельных, вдоль длинных сторон футбольного поля. С годами построили еще одну, и они стали буквой П.

А теперь Сеня достраивает последнюю.

Когда мы приехали, стадион уже носил имя первого мэра объединенного Иерусалима. Сам Тедди Коллек был жив, но уже не был мэром.

Я успел даже полечить его в больнице «Врата правды» и выказать ему свое почтение.

Потому что Коллек – это глыба, человек Истории.

В 92-м, когда я еще был в Иерусалиме гостем, то видел Тедди за рулем старенького «рено», видел на открытии первого в городе автоматического туалета. Он первым опробовал нововведение и вышел, застегивая штаны. Фотокорреспонденты засуетились, ловя скандальный кадр, но не все успели. Коллек расстегнул и застегнул штаны снова.

Рассказывают, что он негладко дружил с Шагалом, в результате чего город не получил многих полотен великого художника.

Отступлю: мне кажется, Шагал придавил собой еврейскую живопись, как Сарьян – армянскую. То есть сегодня я почти всегда чувствую ту или иную дозу этих художников, даже в виде отталкивания от них.

Ну и напоследок история, которую рассказал хирург в больнице «Врата правды», флегматичный горский парень.

Ночью звонят из приемного покоя, есть пациент. Только поторопись, говорят, это Тедди Коллек.

Спускаюсь в лифте и думаю: «Ренал колик знаю. Биллиар колик знаю. Тэди колик – не знаю». Мол, почечную колику знаю, желчную колику знаю...

— . —

Собравшись в Ташкент, после некоторых безрезультатных интернетных усилий я попросил друзей забронировать для меня номер в гостинице «Ичан Кала»: место было недешевое, под стать хорошим эйлатским отелям, но картинка красивые и расположение подходящее – почти моя махалля.

В гостинице меня встретили любезно.

Такой концентрации резного дерева, как в холле, я никогда прежде не видел. Даже кулер – колонка питьевой воды – был одет в узорчатую буковую броню.

Получив ключ, я взвалил на плечо сумку, мой приятель взялся за чемодан, когда дорогу нам преградил бесстрастный и корректный мальчик из obsługi:

– Ваш гость может подождать вас в ресторане или в зоне для переговоров.

– Да не вопрос, – говорю, придурев от перелета, знако-мо-незнакомых улиц, запаха горелых листьев. – Мы сейчас шмотки закинем и уйдем.

– Простите, – повторяет мальчик терпеливо, но настойчиво, как умственно-отсталому. – По нашим правилам, посетитель не может заходить в номер.

– Вы хотите сказать, что за свои деньги я попал в интернат для трудных подростков? Я, пожалуй, воспользуюсь другой гостиницей.

Ровно через двадцать минут я раскладывал вещи в другой гостинице. Захотите остановиться, дам координаты. Она не заявлена в интернете.

— . —

Шукуруч:

– Знаешь, как меня внуки подкалывают. А-а-а, говорят, это пришел тот дед, который смотрит черно-белые фильмы.

— . —

Ташкент.

Зашли с Шукрычем на вещевого рынок присмотреть детям подарки.

Мои намеренно протертые до дыр джинсы из хорошего римского магазина были истолкованы однозначно. Завидев меня, торговцы оживлялись и дружно кричали:

– Братан, заходи! Хорошие джинсы есть.

— . —

В Ташкенте:

– У нас строят много новых больших зданий. Но всегда чуть-чуть не достраивают.

— . —

Таксист в Ташкенте:

– Наш новый стадион видели? Водители построили.

– Это как?

– МВД обязали финансировать стройку. Сразу штрафы повысились.

— . —

Таксист в Нукусе:

– Когда новый музей построили, должны были именем Бердаха назвать. Но президент в последний момент решил: пусть будет имени Савицкого.

— . —

Из лекции:

Музейное дело в Узбекистане началось с коллекции картин Великого князя. Музей был открыт в его дворце, и туда сразу потянулось местное население.

Это было отрадно, но вскоре обратили внимание, что это человеческая река имеет целью лишь одну картину – «Купальщицу» Беллоли.

Короче, картину пришлось убрать.

И посмотрите, как шагнула культура за последующие восемьдесят лет! Картина давно возвращена в экспозицию, а в музей никто не ходит.

— . —

Аталиев:

— Разницу между хитрым и хитрожопым знаешь? Хитрожопый думает, что вокруг все дураки. А хитрый знает, что это не так.

— . —

Вы знаете, что некоторые слова со временем меняют контуры своего значения.

Люди моего возраста помнят, как в нашем детстве при полиграфии цветных фотографий каждый цвет печатали отдельно. И нередко можно было видеть смещение, несовпадение красного, скажем, силуэта относительно синего.

Нечто похожее происходит и со словами.

Наверно, это случается не сразу, постепенно, но если есть интервал лет в сто или больше, то можно увидеть разительные изменения.

Выражение «инвалид Отечественной войны» в году 1840-м значило совсем иное, чем в 1960-м.

Или вот слово «Ташкент».

Побывал я там недавно и обнаружил, что мое значение этого слова и нынешнее совсем не совпадают.

— . —

Есть два города, которые не хуже прежнего Ташкента и нынешнего Иерусалима: Нью-Йорк и Венеция.

— . —

Когда Адам был совсем маленьким, я, делая покупки в супермаркете, поймал себя на том, что ритмично покачиваю тележку, перемещаясь вдоль рядов, убаюкиваю.

— . —

Русские рестораны в Израиле. Про этот гастрономически-культурный феномен можно всласть порассуждать, но что-то не тянет. Мы с женой заметили, что по негласной традиции основное блюдо подают под песню «Как упоительны в России вечера».

Один из самых известных – ашдодский «Жемчужина Востока». Там по ободку фирменных тарелок вьется надпись «Ж. ВОСТОКА». Но что-то мешает мне зайти в саркастическом упоении. Нет уверенности, что тут не происходит расчетливый перформанс, заверченный на среднеазиатской экзотике...

Помню, в Ташкенте, на Чигатае, где в конце советской власти харчевни во дворах частных домов были полуподпольны, но повсеместно знамениты.

Не было лучше места накормить заезжих друзей аутентичным пловом и шашлыком. Для гостей предназначался и притулившийся между заборами нужник, к которому вел указатель «ТУВАЛЕТ».

Разомлевшие от смеха московские гости шли объяснять местным людям допущенные ошибки. На что местные люди, я это слышал не раз, с лукавой восточной невозмутимостью отвечали:

– Ми знаем.

И надпись не меняли.

— . —

Курсы подготовки врачей-репатриантов к экзамену на врачебную лицензию свели в аудитории Иерусалимского университета людей разных возрастов, разных врачебных профессий, из разных мест еще недавно бескрайней империи. Одуревших от новой страны, языка, отношений, пересчитавших ребрами ступени социальной лестницы, обнаруживших себя уборщиками и сторожами. На лекции по специальностям, о которых многие доктора после института и не слыхивали.

На лекции по психиатрии тянется вверх рука анестезиолога из Сибири:

– Вот вы говорите «либидо, либидо». А что такое либидо?

Аудитория хихикает.

Сибиряк поворачивается к коллегам и смущенно басит:

– Вот не поверите, там знал. Здесь – забыл.

— . —

Его смерть не стала важным событием даже в его собственной жизни.

— . —

Эту историю рассказал мне иерусалимский антиквар.

В конце 60-х – начале 70-х Марк Шагал довольно часто бывал в Иерусалиме. Дружил с Тедди Коллеком, легендарным мэром города, делал витражи для синагоги в больнице Адасса. Были у Шагала родственники в Израиле, и он с ними встречался.

– Встречался, но не любил, – говорит антиквар.

– Откуда знаете? – спрашиваю.

– Он им подарил альбом репродукций с дарственной надписью.

– Ну и что? – говорю.

– А то, – отвечает антиквар, – что альбом с надписью – это автограф, и цена ему невысока. А если бы он рядом с подписью нарисовал бы хоть что, хоть цветочек, то это был бы «рисунок Шагала», и цена его сразу возрастала в десятки раз. А не знать этого в те годы он уже не мог.

— . —

— . —

«Освежитель воздуха с запахом персиков».

Ну кто, скажите, решил, что в уборной должно пахнуть чем-нибудь вкусным?

— . —

А вот байка про академика Туракулова, которой меня угостили наши ташкентские друзья, живущие ныне на тихоокеанском побережье.

Оба – университетские люди, Оля – биолог, Саша – математик. Дело происходит в первые годы после распада Союза, как раз тогда я застал академика за мучениями по переводу старого русского учебника биохимии на узбекский. Тогда же он узбекизировал написание своего имени: стал писать «Ёлкин», а не «Ялкин», как писалось все годы.

– Слушай, – сказал Саша Оле, вернувшись из университета. – У вас на факультете семинар. Но на этот раз выступать будет не один, как обычно, а трое.

– Кто такие?

– Ёлкин, Халматович и Туракулов.

— . —

Мы с Женей ходили на «Вишневый сад» в иерусалимский театр «Хан». На древнееврейском играют, естественно. На афише – фотография Чехова на крыльце мелиховского дома, в длинном пальто и с таксой.

Карточка напечатана зеркально, то есть как и вся афиша – справа налево, на иврите.

— . —

В Голландии такси выделяются только голубым фоном автомобильных номеров, в отличие от желтого – у остальных.

Иных вторичных половых признаков у голландских такси нет, никаких тебе зеленых огоньков, оранжевых гребешков.

Я подумал, а в голландской городской поэзии 60-х годов воспет голубой фон номеров такси, как зеленый глаз их советских коллег в русской поэзии той поры?

В 60-е и в начале 70-х такси часто фигурировало в литературе, в поэзии и в прозе, заезжая оттуда и в кино.

Такси ловили, его вызывали, в нем происходили важные события.

Поездка в такси была признаком не столько богатства, сколько достоинства и достатка.

«Метро закрыто, в такси не содют», – сокрушался сами знаете кто.

«Даже если водку пьешь по пьянке, не захочешь, отойдешь к стоянке», – делился опытом он же.

И зеленый огонек в верхнем углу лобового стекла был вроде чеховского горлышка разбитой бутылки – важной деталью, позволявшей при минимуме средств достичь полноты картины.

Зеленый огонек гас, когда включался счетчик (еще один важный атрибут и символ много чего).

Когда появились оранжевые гребешки? Мне кажется, что в конце 70-х – начале 80-х.

Но к тому времени такси, газанув, умчалось из литературы. И гребешок тот не успел быть опозтезирован.

Интересные события переместились скорее в кабину дальнотойщика или в разбитую тачку бомбилы.

— . —

Гарлем – это, прежде всего, городок в Голландии, а только потом названный по его имени негритянский район Нью-Йорка. Но проект «Нью-Йорк» оказался столь успешен в мире, что редко кто, ну, может, за исключением самих голландцев, подумает о первоисточнике, услышав упоминание Гарлема.

– Ты почему небрит? – спрашивает Друбич Абдулова в соловьевской «Розе».

– Дурочка, это же гарлемский стиль, – отвечает тот.

Ну и кто, спрашивается, подумал про город в Голландии?

— . —

СНЕГ В ИЕРУСАЛИМЕ

Для тех, кто знает и чувствует этот город, снег служит диковинным и трогательным его украшением.

Снег в Иерусалиме бывает редко, даже не каждый год, и лежит недолго. Иногда – минут двадцать.

Поскольку прогнозы погоды здесь достаточно точны, то готовиться к снегу начинают загодя. Ни к какой войне у нас не готовятся с таким тщанием, но и никакая война не оказывает такого парализующего воздействия.

Больницы переводятся на режим суточных смен. В этом году, например, перекрыли шоссе, и мне пришлось ночевать на службе.

Охочий народ со всей страны загодя стягивается в столицу. Когда закружат первые снежинки, все высыпают на улицу и начинают как бешеные фотографировать. Снимками сейчас завален интернет. Одних ЖЖ-шных репортажей мой тщательный друг прислал штук десять.

Среди давящих на гашетку есть некоторое количество высоких профи, продукция которых превращается потом в альбомы, постеры и прочие открытки.

В итоге снимков заснеженного Иерусалима я видел больше, чем заснеженного Амстердама или там Хельсинки.

И у человека не в теме может запросто сложиться впечатление, что Иерусалим большую часть времени завален снегом.

— . —

Почему мне бывает так смешно в совсем несмешных ситуациях?

Крепость Масада у Мертвого моря. Там раз в год устраивают грандиозный оперный спектакль в естественных декорациях. В прошлом году давали «Кармен». Все было замечательно и величественно, включая подсвеченную Масаду и гимн Страны на этом фоне. И опера (в чем я понимаю мало), и пылящие всадники, и запряженные в тележки ослы, и пыхтящий паровоз. В конце стали объявлять создателей зрелища. Последним с особым воодушевлением выкрикнули имя постановщика:

– Жан-Карло Дель-Монако-Цукерман!

И сразу стало смешно.

В новостях сообщают, что Россия посылает вооруженные сирийскому Асаду, сотнями вырезающему свой неспокойный народ. Асад – заклятый враг Израиля и евреев, как и папаша его, нападавший на нас и поплатившийся за то Голанами. Асад грозит, что если он не сладит со своими повстанцами, тоже вполне, надо сказать, исламскими и антиизраильскими, то он ударит по Израилю. С какого переляку? А шоб знали.

Так вот, Россия направляет ему военную помощь на сухогрузе «Профессор Кацман».

И опять – смешно.

И, наконец, из давешних новостей:

«Федор Карпов, сын бывшего председателя совета директоров Российского еврейского конгресса Бориса Каплана, несколько дней назад бесследно исчез, выйдя из своей московской квартиры, где он проживает с матерью».

И опять – смешно. Не весело, а именно – смешно.

— . —

— . —

Дани – коллега, религиозный, но без крайностей, еврей, родом из Южной Африки. В молодости он был хиппи и гитаристом. Если во время операции что-нибудь случается, он восклицает: «Джезус!» Такая у него фигура речи.

«АННЫ КАРЕНИНЫ»

Вышла «Анна» Стоппарда. Еще не видел, но слышал, как одна уроженка Израиля говорила другой:

– Толстой бы кайфанул.

Фильм Соловьева я ждал дольше, чем тот его задумывал. И Друбич – Анну ждал.

Съзвнил бы, что вышедшему фильму скорее подходит название прустовской эпопеи, чем толстовского романа, но неловко как-то.

Время ушло. Все безнадежно стары.

Прекрасная Друбич, моложавая, красивая, но все равно она – не сочащаяся гормонами Анна. Тут скорее место для галантных комплиментов – никто не даст ей ее пятидесяти, – чем для безумной страсти.

О других персонажах и не скажешь ничего кроме того, что они много ее старше.

Вторая половина фильма много убедительнее первой. Страдания получаются хорошо, тонко, они психологически мотивированы и подкреплены жизненным опытом.

А вот интерес, влюбленность, страсть – не получились. И актеры, и почти семидесятилетний режиссер явно не помнят этих ощущений, а значит, показать не могут.

И еще одно наблюдение: Соловьев никогда прежде не раздевал Друбич, хотя обстоятельства были много, как бы это сказать, обоснованнее толстовского романа.

Обходился без допинга.

— . —

Пожилой швейцарский профессор, похожий одновременно и на Буратино, и на папу Карло.

— . —

В банке машинка для пересчета купюр называется «Баламут». На ней буквально написано «Balamuth». И что, верить?

— . —

Женщина, похожая на старуху Шапокляк в молодости. На молодую старуху Шапокляк.

— . —

Ее тонким губам весьма бы подошло отрывистое «расстрелять».

— . —

Пушкин, Чехов, Высоцкий, Бродский, Довлатов...

Беда не только в том, что их жизнь оказалась короткой, — они все ушли, когда их ровесники были в силе, в поисках славы и денег...

И никто не поленился написать про ушедших соучеников, собутыльников, любовников... Меряясь с ними талантом, умением пить, ну там... — уделом. Короче, каждый гнул покойника под себя. Жанр «На дружеской ноге».

То ли дело Гете или, скажем, Тарковский, Арсений Александрович... О патриархах вспоминали младшие. Как те вещали, изрекали, шутили.

И никто с ними ничем не мерился... Жанр «На фоне Пушкина снимается семейство».

— . —

Моя добрая приятельница в молодые годы встречалась с узбекским мальчиком из интеллигентной и высокопоставленной семьи, где русский был первым языком. Это прекратилось после одного приглашения на вечеринку.

– Много народу будет? – спросила она.

– Четыре человека. И четыре девушки.

— . —

Как знакомятся с девушкой в Израиле?

Подкатывают и с ходу спрашивают:

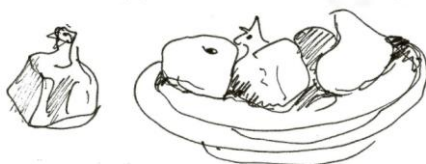
– Мы вместе не служили?

— . —

Заканчивая вечерний телефонный разговор, тетка решила меня благословить.

– Пусть тебя Бог курирует, – сказала она.

— . —

Том третий

— . —

Несколько лет назад на выборы вышла партия пенсионеров. И многие, кому осточертели рожи политического истеблишмента, в виде такого жеста «да пошли вы все в жопу», проголосовали за стариков, и те получили неожиданно много мест в парламенте. Столько, что их позвали в правительство и дали портфель министра. Министра здравоохранения. Экономика моментально отреагировала на эти изменения, Израиль лишился каких-то миллиардов, инвесторы боятся социально заостренных сил у власти.

Теперь небольшое отступление.

Во всех больницах, где мне пришлось служить, работают добровольцами пенсионеры. Продолжительность жизни в Израиле убедительная, многим успевают наскучить пенсионное безделье, а добровольцем в больнице – это особый шик!

Пожилые люди сидят в регистратурах, разносят бумаги, помогают пациентам переодеться, поят их, кормят. Работа нетрудная, но вполне важная. Есть и дивиденды, и тоже – немаловажные. Знакомства и связи в медицинских кругах. А случится чего – вот она, помощь, рядышком. И потом, в полдень, когда открывается столовая для персонала, пенсионеры – первые ее посетители. Здешние старики не голодают, но возможность без хлопот получить полный обед и не мыть после него посуду – от такого подарка кто откажется.

Поэтому если наш перерыв попадает близко к двенадцати, то обедаем мы в окружении подсиненных седин, изысканных манер и аромата подсохших парфюмов.

Министр здравоохранения был точь-в-точь как пенсионер-доброволец в больнице.

В новостях стали появляться сообщения о том, что министр прибыл с проверкой в больницу Афулы, потерял сознание и был госпитализирован в отделение реанимации. По прошествии нескольких недель новости сообщали о подобном инциденте в другом госпитале, а через месяц – в третьем. То есть дед использовал свою должность на полную катушку.

Вот так, благодаря лишь состоянию своего здоровья, тот министр сделался самой заметной медийной фигурой из всех занимавших этот пост. А сменилось их на моем веку штук семь.

— . —

Суши любят те, кто не умеет делать плов.

— . —

Язык киноэмоций.

Помню из 70-х, как в фильмах дамы в расстроенных чувствах сдирали с себя парик. Тогда был в ходу этот причиндал замужних религиозных евреек. Вместе с модой на скальпы цвета марсианских скафандров исчез и штамп.

Когда в кино варят кофе в турке (джезве, финджане), то пусть хоть раз, ну, для разнообразия пусть он не выкипит, не зашипит, выплеснувшись в огонь.

Жена моя говорит, что если в кино турка ставится на плиту – аттракцион с убегающим кофе гарантирован.

— . —

Было это уже достаточно давно.

Наш младший сын ходил в сад, который находится на территории больницы Адасса и содержится для детей сотрудников.

Услышав, как мы щебечем на ним: «Адамуся, Адамуся», воспитательница, арабка из Абу-Гоша, стала называть его «Адам-Муса».

— . —

В те же годы приехал в Адассу на стажировку молодой доктор из Ташкента. Был он вооружен моим телефоном и не преминул им воспользоваться.

– У меня есть целый месяц, что вы посоветуете посмотреть в Иерусалиме? – сказал он.

– Да вот, – говорю, – начните с той же Адассы. Там есть синагога с витражами Шагала.

– Что это? – глухо спросил он.

– А какое слово вы не поняли, – осторожно поинтересовался я, – «синагога», «витраж» или «Шагал»?

— . —

Русский язык по природе своей православен. Он органично и легко уложится в любой оттенок православия: в мягкость, в просветление, в кликушество, в скоморошину. Может, именно покорность в следовании природе языка придала органичность евангельским стихам Бродского и Пастернака, выросшим в иной традиции.

И никогда не будут по-русски абсолютно органичными тексты иудейские или, скажем, католические.

Это нужно брать в расчет невыкрестившимся евреям, пишущим по-русски.

Просто брать в расчет.

— . —

— . —

Шум, поднявшийся после появления постановления о борьбе с ненормативной матерщиной, напомнил мне давний-предавний эпизод.

Домашний мальчик вернулся со двора в большом возбуждении:

– Мама, соседский Витька ругается материнскими словами!

Мама, учительница старших классов, осторожно поинтересовалась теми словами.

– Ну, во-первых, он женщин называет – собака на «сэ». А во-вторых, он говорит ужасное слово. Я не могу тебе сказать. Я скажу по буквам. Первая буква «бля». А потом – «тэ» с мягким знаком.

— . —

Я всегда придерживался несколько идеалистического соображения, что советскую власть разнесло из-за отсутствия герметичности.

Одновременно с романами Бабаевского выходили романы Толстого, на одной и той же сцене шли спектакли по пьесам Сурова и Чехова. Слишком велик был перепад, никакое государство не устоит.

Книжку Владимира Захаровича Швейцера я купил в большом букинистическом на бульваре Карла Маркса в Днепропетровске, в году эдак 76–77-м. В старших классах меня сплавляли к родне на весенние каникулы. Книжечка мне глянулась тем, что вместо портретов там были шаржи, и это сулило неакадемичный подход мемуариста к своим персонажам. Прочитал я ее несколько раз кряду и забыл. А недавно вспомнил и снова разжился при помощи услужливого сайта-книготорговца.

Вот про золотые перья Одессы:

Вскоре одесская газета держалась уже «на трех книгах». Корреспондент из Рима, писавший под псевдонимом «Альталена». Бытописатель одесского «дна» Кармен, отец известного ныне кинорежиссера Романа Кармена. И молодой литературный критик Корней Чуковский.

Оказывается, я помнил этот фрагмент наизусть.

Книгой Лазаря Кармена обзавелся в 80-е, орденосный сын пробил переиздание. Большого впечатления эти рассказы на меня не произвели.

А вот имя «Альталены» я узнал, его романы, его и поныне звенящую публицистику прочитал и про его доблесть, бесстрашие, и честность, и горечь прочитал тоже.

И про судьбу корабля, названного по тому, одесскому псевдониму, узнал.

Корабля навеки показавшего, что правые боятся гражданской войны, а левые – не боятся ничего и любую (не свою) кровь принесут на алтарь идеологии.

И как же так вышло, что про Владимира Евгеньевича Жаботинского, про которого писали штатные антисиионисты от Гриши Плоткина до Цезаря Солодаря и называли исключительно «еврейским фашистом», вдруг упомянули вполне доброжелательно в абсолютно советской книжке?

Говорю же, власть не была герметична.

Это ее и сгубило.

— . —

Шукуруч как-то посоветовал:

– Если тебе задают неприятный вопрос, на который не хочется отвечать, нужно произнести любую русскую поговорку. Любую.

Я проверял: работает.

— . —

Несколько лет назад во время конференции в Риме долгий вечерний обед в ресторане свел за одним столом врачей из Латвии и израильтян.

О сколько открытий чудных нёс в себе тот обед!

Молодые доктора из Риги с удивлением узнали, что евреи не верят в Христа.

— А во что же вы верите?! — спросили они в смятении.

Молодая израильтянка из интеллигентной ашкеназийской семьи впервые услышала имя Джордано Бруно и узнала о произошедшей с ним неприятности.

Тогда-то я и понял, что этот мир никогда не договорится между собой...

— . —

В Ташкенте минеральной водой называлась газированная. Она продавалась в зеленых стеклянных полулитровых бутылках и была символом спокойствия и благополучия. Ведь напиток можно было и из-под крана. Тем более что, скажем, на Туркменском базаре текла из крана вода необычайной вкусоности. Эпитет «ташкентская» всегда относился к воде.

— ...и прикупи пару «ташкентской».

Она залетела и в один мой стишок, поскольку я уже понимал хрупкость того, символом чего была шипящая бутылка зеленого стекла.

*Зной торжественно шествует
и теснит, расширяя, предметы.*

— Вам чего?

— Мне «ташкентскую»...

— А её-то как раз таки нету.

Моя бабка называла любую несладкую газированную воду «зельтерской», как положено, причем даже не «сельтерской», как она фигурировала в литературе из прежней жизни.

Любая сладкая была – «ситро».

Уехав, пришлось потратить время и деньги, чтобы понять, что заказывать нужно соду, а не минеральную воду, дабы получить нечто похожее на «ташкентскую».

Сейчас в Ташкенте «ташкентской» нет, и многие ее даже не помнят.

Пьют другую воду из пластиковых бутылок, которые на ташкентском языке именуется «баклажками».

А тут я прикупил бутылку «зельтерской». Гадость, без газа и вкуса.

На правах рекламы.

— . —

По сети гуляет ссылка на псевдо-психо-аналитическую (пишу так, чтобы легче было прочитать) статью о тяжелых комплексах у героев и у зрителей «Иронии судьбы». Текст так себе, бедненький.

Господа психоаналитики и статьяписатели, хотите тему?

Вот: все главные герои Рязанова: тот же Лукашин, Деточкин, Рябинин из «Вокзала» – они все евреи. Психологией, мотивацией поступков, иллюзиями, поступками – обычные городские евреи из интеллигентной среды.

— . —

Филипп Кьеркегор.

— . —

Год 90-й, что ли.

Идем мы с Юрой Липиченко по Андреевскому спуску.

А там в какой-то галерее, как раз наискосок от турбинского дома, выставка карикатур, и на карикатурах все больше Сталин.

Юра и говорит:

- Знаешь, что раздражает? Не то, что они Сталина не любят. А что они его неправильно не любят.

UBI CONCORDIA, IBI VICTORIA

Жена:

– Если я с тобой советуюсь, это не значит, что ты должен со мной не соглашаться.

Собственно – всё. Золотом на мраморе. На постаменте. Монумента «Мужчина и женщина».

— . —

В наших операциях есть такой момент: внутри суженной артерии надувается баллон. И тут минут на пять нужно ручки шаловливые убрать и ничего не делать. Размыться и замыться снова резона нет, остаешься стерильным,

Молодой доктор из Казахстана, приехавший на учебу, помогает скоротать эти минуты, рассказывает о казахских ханах: ханы то, ханы сё.

Медсестра Ханна, крутится по операционной, явно чем-то недовольная. Ну, понятно, вечер, пора бы и заканчивать, а мы стоим и болтаем на русском, которого она не понимает.

Наконец она произносит укоризненно:

– Можете продолжать сплетничать про меня.

— . —

В каких единицах измеряется расстояние между нами и историей?

У Ури в классе есть мальчик, светленький такой, конечно же, раздолбай, как и они все в свои пятнадцать, Итамаром зовут, если не путаю. Так его дедушка приударял безуспешно за Анной Франк.

— . —

Вот результат дискуссии двух докторов филологии о значении этих слов.

При всем видимом сходстве описываемых обоими глаголами действий, а описывают они движение, между ними есть существенная разница. В «пиздячить» ощущается усилие при его выполнении, а «пиздовать» совершается легко, без напряжения.

Для пущей наглядности: пиздят в гору и пиздуют с горы.

Попутное открытие. Word подчеркивает красным «пиздовать». В то время как «пиздячить» великодушно пропускает. То есть демонстрирует тонкий и даже несколько снобистский вкус.

— . —

Рассказывает мой старший друг, замечательный художник Вениамин Клецель:

– Мы учились у Волкова во Дворце пионеров. Ты же знаешь, где был Дворец. К Волкову приехал Эйзенштейн, они дружили. Из Алма-Аты приехал, снимал там «Ивана Грозного».

И Александр Николаевич привёл его к нам. Мы приготовились, работы наши выставили. Эйзенштейн и сам художник был хороший.

Он посмотрел, отметил мою работу.

– Кто делал этого льва? – спрашивает. Похвалил, руку пожал.

(Значит, я в одном рукопожатии от Эйзенштейна и от Волкова. В двух – от Чарли Чаплина. М. К.)

— . —

В ту пору Аталиев был доцентом и, как уже было сказано, звездой. Мы, четверокурсники, только вошедшие в клинику, воодушевленные хирургией, мы все хотели работать под его руководством в СНО. Студенческое научное общество, уже никто ничего не помнит, все приходится объяснять. Но ему было с нами скучно, он работал с самоуверенными и кичливыми субординаторами – субчиками. А нас отправлял к какому-то отстойному ассистенту, работать с которым было совсем не нарядно, не празднично, не элегантно.

На лекциях, чувствуя наши к нему чувства, Аталиев купался в материале, делая порой лихие отступления от темы.

Читая о перитонитах, он завел речь о медицинских книгах, написанных так талантливо, что они захватывают, как роман. Он назвал «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого, работавшего здесь, в городской больнице, где мы сейчас находимся. Потом «Этюды желудочной хирургии» Юдина и «Перитониты» Кирилла Симоняна.

– Симонян дружил с выдающимися писателями, – сказал между прочим Аталиев.

В перерыве я улучил минуту, когда он был один, и невинным тоном задал вопрос, давно уже согретый в рукаве:

– Альберт Ервандович, а почему вы не рассказываете, с кем из выдающихся писателей дружил Симонян?

Мне показалось, что Аталиев побледнел.

На дворе стоял 82-й год. Брежнев еще не умер. А за хранение книг симоняновского друга детства могли если не впасть срок, то уж здоровье и карьеру попортить как нечего делать.

Даже за изданный «Совписом» с предисловием Твардовского «Один день Ивана Денисовича».

Короче, Аталиев нас с Геной Нариянцем взял к себе в СНО. И одна из наших статей даже была опубликована в настоящем, «взрослом» сборнике. Тогда это казалось важным.

И не нужно думать, что он испугался, ему просто стало с нами интересно.

— . —

«Сучок и задоринка»

Какой заголовок пропадает! И даже не знаю, что к нему приделать: эротический роман или социально заостренный деревенский рассказ?

— . —

В небольшой израильской больнице, в отделении интенсивной терапии две «русские» медсестры перестилали кровать чернокожему пациенту. И одна сказала другой:

– Ну и почему говорят, что у негров член большой? Смотреть не на что.

В ту пору негр в Израиле в 999 случаях из тысячи был репатриантом из Эфиопии.

Но этот на беду оказался тысячным. Выпускник университета Патриса Лумумбы. Женильба на московской еврейке, алия, свободный русский.

Он написал жалобу. Обоих медсестер уволили. Ибо неэтично гениталии пациентов оценивать.

А я все думаю: а написал бы он жалобу, если бы они сказали:

– Вау! Смотри, какой красавец!

— . —

После операции:

– Док, ты, когда выйдешь к семье, скажи моей жене, что мне два месяца посуду мыть нельзя.

— . —

В сети кафе «Арома» порядок такой: делаешь заказ, платишь, называешь имя и ждешь.

Когда заказ готов, имя выкрикивают в микрофон.

Не задевая ушей, привычных к этнической пестроте, плывет над залом:

– Яэль.

– Шмулик.

– Джуди.

– Мухаммад.

– Олег! (с ударением на «о»)

Но вдруг прозвучало:

– Супермен!

Все обернулись.

Смущенно улыбаясь, вышел пятнадцатилетний очкарик, «ботаник», «хнун», «астронавт».

Народ заплодировал.

— . —

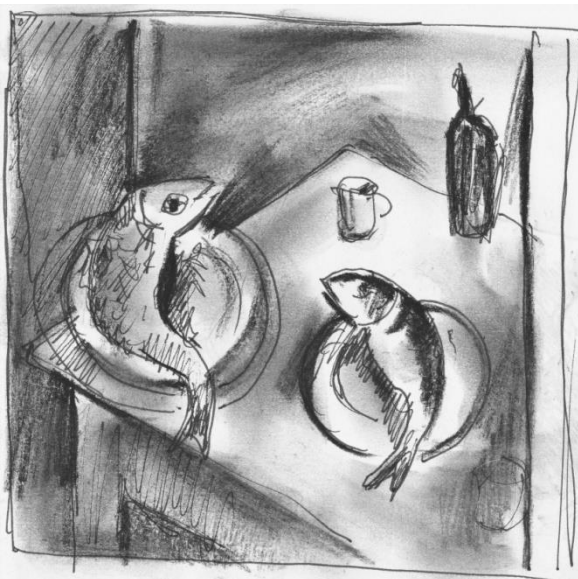
С первого дня каникул ощутимо падает напряжение на дорогах.

Не могу понять: неужели так велико участие школьников и учителей в движении на междугородних трассах?

— . —

Виктор Платонович Некрасов говорил, что в каждой допитой бутылке остается двадцать семь капель водки.

— . —

— . —

А у вас так бывает?

Приезжаете в город, в другую страну, где не были лет пять, скажем, или семь.

Идете навестить родственницу, известную своей привередливостью, или приятельницу прежних дней, которая смолоду славилась снобизмом.

Подарки приготовлены заранее, бреете лицо, одевайтесь вдумчиво.

А потом на фотографии обнаруживаете, что семь лет назад были у нее в той же самой рубашке. Не единственной. Не лучшей. Не любимой. Просто – в той же самой, обычной рубашке.

— . —

Сокрушаются люди со слухом, что слова теряют суффиксы, выпрямляются, тупеют. Сосули, понимаешь ли, кредитная карта...

Вспомнилась ташкентская история из серии «В ту пору я служил в больнице, на фронте которой красовались мои инициалы».

Нас, меня и коллегу, вызвали к главврачу. Коллега, дама, ташкентская узбечка, окончившая русскую школу. А это значит – русский на уровне родного, наравне с узбекским, а иногда и с опережением.

В ту пору меня напечатали несколько толстых журналов, и при первой возможности, раздвинув дежурства, я срывался в Москву.

Казалось, что вектор моей судьбы нацелен именно туда.

В административном корпусе нам навстречу вышла старшая медсестра, отвечавшая за график дежурств. Увидев меня, она воскликнула:

– Ну где же вы? На выходные дежурить было некому. Мы вас так искали! Где, говорим, Михаил Юрьевич, где наша палка-выручалка?

Я в некоторой оторопи посмотрел на мою спутницу. Она покраснела.

— . —

В детстве мне подарили книгу рассказов иностранных писателей.

Это наверняка еще было детство, потому что подарку я не обрадовался.

Лет в четырнадцать уже обрадовался бы.

Я поблагодарил, разочарование как-то не принято было тогда показывать.

Книга была детская, большая, с цветными иллюстрациями.

Большую часть составляли ненавистные мне истории про несчастных детей, которые в мире чистогана засыпают голодными, зажав в кулачке свое великое достояние, значок с надписью «LENIN».

Но был там один рассказ американского писателя, имени не помню, искать не хочу.

Там персонаж торговал порошком под названием «еще более».

Порошок, как уверял продавец, был невидим.

Посыпанные им предметы усиливали свои качества.

Котлета (наверно, то был гамбургер) становилась еще вкуснее.

Новые ботинки сделались еще красивее, но оказалось, что и жмут сильнее.

Кровать – еще мягче, но и скрипучее.

Порошок содержался в коробочках типа солонки и был, повторяю, абсолютно невидим.

Прошло лет сорок.

Оглядываясь, я думаю, сколько раз я выкладывал свои денежки за коробочки с порошком «еще более».

— . —

Чудесная Анастасия Вертинская рассказывает про свой «лагерный опыт», речь о лагере пионерском, конечно:

Я ничего не помню в этом лагере, кроме страшного чувства голода и странной неловкости, когда на линейке пели «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих». Как было бы хорошо, думала я, если бы мой папа писал такие песни вместо песен про каких-то балерин, клоунов, пахнувших псиной, рафинированных женщин... Вот написал бы эту, про детей рабочих, я была бы горда...

И тут я вспоминаю, что и меня отправили в лагерь единственный раз в жизни. И что я тоже испытывал неловкость при пении этой песни, поскольку осознавал, что никакой я не «дети рабочих», а значит, и в этом празднике жизни я участвовать никак не могу, права не имею.

Как сказал мне в разговоре редактор одной маленькой газетки, считавший себя писателем: «Если мама учительница, папа инженер, а сам – еврей, что же, ложись и помирай?» Потом он напился, и расстались мы не дружески. Мне знакома эта неприязнь к людям, в которых я угадываю огорчительное сходство с собой.

— . —

Про Рами Леви, владельца сети супермаркетов «имени мене», чуть дешевле и чуть грязнее прочих, говорят, что если он купит «десятку», десятый телеканал, то канал этот станет называться «9.90».

— . —

Маршрут на субботний послеобеденный фильм мы разнообразим по мере сил. На этот раз он пролег мимо нового супермаркета сети «Рами Леви». Слышу разговор за моей спиной.

– Ты знаешь, что у него в каждом супере есть синагога?

– А на фига?

– Я знаю... Помолиться пред покупкой. Господи, пошли мне пучок петрушки.

Это сказал Адам, младший.

— . —

Коронное блюдо первого российского канала: проверка ДНК в прямом эфире.

— . —

Предполагали ли советские чиновники в начале 50-х, когда переименовывали котлету деволяй за космополитизм и низкоклонство перед Западом в котлету по-киевски, что пройдет всего лет шестьдесят, и ее название снова будет означать в точности то же самое.

— . —

Роман «Рэгтайм» был опубликован в летних номерах «Иностранки» году в 76-м или 77-м, не упомяну. Это было неимоверно круто. Такая лихая проза, со стебом, который тогда еще не имел своего названия.

Без исключения вся дюжина могущественнейших американцев выглядела ослами, более того, ослиными жопами.

Там и сям были разбросаны фирменные приемчики Аксенова, художника в полете и силе.

Через несколько лет, но уже в иную историческую эпоху, моим попутчиком оказался Пол, американский университетский филолог. Это был последний раз, когда я пересекал оренбургские степи на поезде. За два с половиной дня дороги из Ташкента в Москву мы успели обстоятельно поскрести литературу русскую и литературу американскую. Дошла очередь до автора «Рэгтайма». Пол и говорит:

– Доктору писатель неплохой, но совсем не такой фейерверк. Я уже слышал эти восторги. Наверно, в вашем переводе он гораздо лучше.

А еще через короткое время долетела довлатовская формулировка, хотя и про другого писателя: «проигрывает в оригинале».

Третьего дня умер Эдгар Лоренс Доктору, неплохой американский писатель, автор великолепного русского романа «Рэгтайм».

— . —

КОНЦА И КРАЯ НЕТ

Из ташкентских историй

Если вам будут рассказывать, что в восточной традиции поэтов принято назвать просто по имени, то знайте: вам впаривают экзотику.

В мое время в Ташкенте если кого и назвали по имени, то это были криминальные авторитеты.

Мне посчастливилось не быть знакомым с ними, но имена я слышал не раз и помню до сих пор.

Один из них вписался в современный пейзаж, постарел и обратил свое внимание на Всевышнего.

Дабы внимание это было взаимным, решил обустроить комплекс мечетей.

Отремонтировать старинные, возвести новые, установить минарет.

Для этих целей в глубинке был разыскан старичок, специалист по исламской архитектуре.

Работа шла споро. «Он даже строителей кормил», – сказали мне.

Результат превзошел все ожидания. Место вышло красивое, величественное и одухотворённое.

Удовлетворенный заказчик расплатился со строителями, а старичка-архитектора решил поблагодарить особо.

– Вам, Усто, – сказал он, – помимо условленной платы я дарю машину. Джип «Гойота».

Старик был смущен, но поборол смущение и робко спросил:

– А «Волга», ГАЗ-24 можно?

— . —

Рассказывает Э. Ф. Шафранская:

– Понедельник. Раннее утро. Сплю. Звонок в домофон. Стервенею.

Голос: «Мы хотим вручить вашей семье приглашение на вечер памяти Иисуса Христа».

От себя замечу, что действие происходит в Москве, а не у нас, на родине героя.

— . —

Еще во время учебы в ТашМИ мы заметили с Шукурычем, что если лектор начинает свой курс с рассуждений о медицинской этике и деонтологии, то потом он непременно либо хватал студенток за задницу, либо любил поиздеваться на экзамене, либо просто отправлял кишлячных ребят копать у себя огород. То есть показывал себя форменной гнидой. Такая выходила закономерность: заводит песнь о нравственности и морали, обязательно окажется подлец.

— . —

— . —

По понедельникам проходили утренние собрания коллектива, которые профессор Аталиев некогда назвал «пятиминутками».

Был период, когда и без того нудные эти сборища администрация зачем-то продлевала политинформацией.

Назначенный врач или научный сотрудник минут десять зачитывал вырезки из газет за прошедшую неделю. А время было такое, подмени ты газету прошлогодней, никто и не заметит.

Однажды выступала научная дама, особа своенравная, взбалмошная, неумная и недобрая. Институтские сплетники считали ее фавориткой входившего в силу администратора. Выступает, значит, она и произносит разных Куртов Вальдхаймов и всякую Антананариву с нарушением ударения. Один раз, второй, третий.

Правильно говорит длинные слова, только ударения почему-то ставит не там.

Мой коллега повернул ко мне голову и специальным шепотом для собраний спросил:

– Она, что, программу «Время» по сурдопереводу слушает?

Это было в тот период, когда я служил в клинике, на фасаде которой красовались мои инициалы.

— . —

Из медицинского словаря.

Коллега – это человек, который делает то же самое, что и ты. Только – хуже.

Не мое, но я ощутил своим.

Или так: референдум некоторых статей медицинского словаря решил, что они хотят стать моими.

— . —

Пикассо? Девочка на шару.

— . —

– На Рабиновича сходите?

Этот вопрос в трамвае в Омске в году так 88-м поверг меня в смятение. Оказалось, что имя Рабиновича, местного революционера, которого ранняя смерть уберегла от участия во фракциях и уклонах, носила то ли улица, то ли площадь в самом что ни на есть центре города.

И не надо, пожалуйста, уточняющих ссылок и справок. Некоторые вещи хочется оставить в памяти в прежнем, недогугленном виде.

— . —

Я не злой человек, просто делюсь наблюдением.

Когда жареный петух клюнет, то бывает достаточно буквально суток, чтобы снять крестик, депутатский значок, бриллиантовые шоры от Версаче, вспомнить о своей еврейской бабушке, членстве в больничной кассе, скажем, «Клалит», и смиренно приземлиться в обычной хайфской больнице.

— . —

Шукуруч рассказал.

В махалле на воротах вывешен листок:

«Баран умер».

Ты же жил в махалле, знаешь, всем, кто держит во дворах скотину, соседи несут овощные очистки, дынные корки, ботву.

Так вот, баран сдох, а они каждый день находят под воротами горы мусора, вот и написали объявление.

— . —

Удивление: в Ташкенте не понимают выражение «заказ-самса».

Ну вот, опять мне многословным сенильным аксакалом рассказывать, что в 70-х появился новый вид частного предпринимательства – изготовление самсы хорошего качества на заказ для семейных торжеств.

Потом и у уличных торговцев появилась самса получше и подороже, в которой был уже не сплошной лук, а мясо и курдюк.

И называлась она «заказной», потом название редуцировалось до «заказ-самса» и стало в обиходе несколько ироничным синонимом эксклюзивного и качественного.

Мы дома до сих пор пользуемся иногда этим выражением.

А в Ташкенте про него уже напрочь забыли.

— . —

Тостующий в каракалпакском застолье называется «гост-бай».

— . —

В Каракалпакии каждому сидящему за столом приносят отдельный чайник чая.

Поэтому узбекского чайного дивертисмента здесь нет. Хочешь – пей, не хочешь...

— . —

Имам-хатиб Самарканда Умид Рустамов – выпускник истфака Самаркандского университета, училища Мир-Араб в Бухаре и Исламского института в Ташкенте.

Фарси, арабский, русский, узбекский и английский. Это те языки, знание которых обнаружилось в ходе нашей беседы. Может статься, что есть еще какие, в поле разговора не попавшие.

У длинной могилы руки Хаджи Данияра, который по совместительству является Пророком Даниэлем и Даниилом, имам-хатиб несколько раз отметил эту его принадлежность трем религиям.

А когда я сказал, что мы одна компания, от одного корня произошедшие, он обрадовался:

– Я ждал и очень хотел, чтобы вы это сказали.

Я не стал объяснять имаму, что мне просто неловко было лезть со своим родством.

— . —

В махаллю, как я теперь понимаю, чужие заходили редко.

Приходил стекольщик с ящиком на плече, точильщик со своим прибором для портативных фейерверков, заезжала маленькая пахучая цистерна, запряженная ишаком. Седок кричал: «Кирасина!» У него на тележке еще была стенка, выложенная туркестанским кирпичом хозяйственного мыла. Заходил торговец попкорном нашего детства, с большим мешком за спиной.

Но главным был шара-бара.

Мячики, наполненные опилками, обернутые фольгой и по меридианам перетянутые нитками, весело прыгали на толстой венгерке, надутые резиновые соски, расписанные анилином, литые свинцовые смит-вессоны с теми же анилиновыми узорами на рукоятке.

Обмен происходил на пустые бутылки. Пацанва сбегалась со всех окрестных улиц: с Курской, с Краснодонской, из Курского проезда.

Потом они стали исчезать, эти визитеры, пока не исчезли совсем.

Последний лихой шара-бара заехал все на той же арбе, запряженной все тем же ишачком, в 1991 году. У меня как раз гостил Юра Липиченко, перед которым я, как торговец шёлком, расстилал рулоны старой ташкентской жизни. И мы оба радовались, разглядывая их. Из-за заборов долетел полузабытый крик:

– Шара-бара!

Мы взяли бутылки из-под пива кибрайского завода и пошли на зов. Махаллинские воспитанные детишки почтиительно расступились. Мы степенно выменяли себе по жестяной свистульке.

— . —

ОДНО УШЛО, ДРУГОЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

Почему-то в последнее время вспоминаются разные исчезнувшие вещи или жизненные приемчики.

Знаете бумажный пакет в кармане впереди стоящего самолетного кресла, которым так удобно закладывать книгу? Кто видел, чтобы последние десять, двадцать лет его использовали по назначению?

И почему он до сих пор бумажный?

Нарезанные квадратики газетной бумаги в уборной?

А помните тот педантизм, с которым следили, чтобы чуть теплую кастрюлю не поставили в холодильник?

А манеру приезжать на вокзал за два часа до подачи состава?

Название, кстати, из хорошего стихотворения о том же, об утекающих вещах, об утекающем времени.

— . —

Была в моем детстве такая книжка «Улыбка Светлова», которую написал карикатурист Иосиф Игин.

Судя по всему, он был другом и собутыльником Михаила Аркадьевича, поэтому книгу составили шаржи и остро- ты Светлова, нарисованные и записанные Игиным. И они были великолепны.

Издательству, тянувшему с оплатой переводов молдав- ских поэтов, Светлов пригрозил перевести их обратно на молдавский.

Байки, не вошедшие в книгу, я слышал от замечатель- ных стариков в писательском доме в Дубултах, словно спе- циально созданном для того, чтобы сладостно трепать язы- ком и упоенно развешивать уши.

Про фразу, брошенную на пляже:

«Тела давно минувших дней».

И лучшую, про телеграмму, посланную в редакцию все по той же причине:

«Вашу мать беспокоит отсутствие денег».

— . —

КИСЕТ

Кисет этот папа получил в подарок в Вятке, в эвакогоспитале, где провел почти год после проникающего ранения грудной клетки.

Потом, изучая военно-полевую хирургию, я узнал, что половина таких раненых погибают в первые часы от болевого шока, а он еще дошагал до первой линии обороны, зажимая ладонью пузырящийся кровавой пеной бок, а там уже потерял сознание.

В Кирове он провел год, а потом еще несколько месяцев в институте Вишневского. К ноябрю 44-го ему минуло девятнадцать и прошло больше года после ранения.

*«Привет! От Люси уч. 4 (буквы не разберу) 5 шк.
г. Киров. 7-го ноября 1944 г.»*

Надо заметить, что в то время в четвертом классе школы № 5, правда, не в Кирове, а в недавно освобожденном Запорожье училась девочка Люся, но до встречи с ней ему еще было шагать больше пятнадцати лет.

То есть на этом магическом кисете рассказано почти все про мою будущую маму.

Но обнаружил я это, когда ни мамы, ни папы на свете не было.

Еще был шнурок, который истрепался и исчез. В кисете отец хранил разные документы, которые по праву или долгу наследования памяти я разобрал после его ухода.

Кисет лежит в ящике с бумагами в иерусалимском нашем доме, иногда я его показываю сыновьям.

А сфотографировал для альбома курительных причиндалов времен войны, который собирался издать Михаил Сапего.

Но что-то не срослось.

— . —

Мне кажется, что я не встречал ни одного еврейского интеллигентного дома в Ташкенте, где на полке не стоял бы кирпичный двенадцатитомник, а у некоторых и с дополнительным непронумерованным томом.

Для советского еврея поколения моих родителей Фейхтвангер заменял собой если не все, то очень многое: ТАНАХ, сволочного Флавия, «Историю евреев» Дубнова, «Еврейскую энциклопедию» и пр.

К стыду своему, я не дочитал до конца ни одного его романа, раздавленный немецкой медлительной тяжеловесностью.

Но у меня уже были к тому времени другие книги, те, которые двенадцатитомник собой заменял. В том числе и «Москва 1937», не вошедшая в подгримированное оттепельное собрание.

Сейчас Фейхтвангер забыт и, мне кажется, вполне справедливо.

Недавно вышла статья, рассказывающая о его отношении к Израилю и о его израильской родне. Но не про всех. Я знаком с еще одним племянником, он заведует небольшим отделением в небольшой больнице. Предпенсионный говорливый ашкеназский доктор. Его непростую фамилию с трудом произносят уроженцы Страны и репатрианты.

Но не те, кто приехал из СССР или его развалин, не те, кого в Израиле для краткости именуют «русскими». Они легко и гладко произносят фамилию этого доктора и смотрят на него, я не раз ловил этот взгляд, взволнованными и повлажневшими глазами.

Доктор Ф. уже даже привык к этому своему, как здесь говорят, «кредиту» у определенной категории пациентов.

— . —

В начале 90-х Цыганов вернулся из Москвы с какого-то предотъездного приема в американском посольстве.

То был недолгий период, когда московским друзьям следовало везти в подарок килограмм сливочного масла и десяток-другой яиц.

– Ну как Москва? – спросил я.

– Хорошо, – сказал Цыганов. – Говорят по-русски.

— . —

Умерла Маргарита Хемлин.

Вышло так, что с месяц тому я перечитал ее главные вещи. В них глубокое, глубинное знание послевоенного местечка на юге Украины, уже на глазах терявшего последние уцелевшие крохи своего еврейства.

Мы были почти ровесниками, и я удивленно перебирал черты совпадения и несхожести наших опытов. Мое Запорожье казалось благополучным и чванливым горожанином в первом поколении супротив искреннего и несуразного её Остра. Если хемлинских стариков я еще встречал в своем ташкентском детстве, то наши Иосиф, Берта, Бася Соломонова были уже совсем другими.

Она писала настоящую, живую прозу, которой всегда мало, а сейчас еще меньше, чем всегда.

Уважение вызывало и то, что она, родившаяся в Чернигове, не Хемлина, а Хемлин, то есть отринула даже малый налет мимикрии, подчеркнув ивритский корень «пощада».

В повестях Маргариты Хемлин много смертей. Смертей новых, происходящих во времени повествования, и смертей прежних, под сенью которых, как старик Камский Илья Мойсеевич под деревьями остерского кладбища, живут её герои.

Вот месяц назад и мелькнуло: долго ли проживешь под такой сенью...

— . —

Цыганов:

— Как только они начинают говорить о том, в чем я действительно разбираюсь, сразу вижу: врут.

— . —

У нас женщины, которые приходят на маммографию, отвечают на вопросы в регистратуре: последние месячные, беременность, роды, еще что-то, что может понадобится врачу при описании снимков.

Мой приятель делал научную работу по маммо. Сначала просил согласия пациенток на участие, потом раздавал анкету, которую те должны были заполнить, потом из снимков брал некие параметры, статистически обрабатывал – и всё, статья готова.

Первые вопросы в анкете стандартные: возраст, беременности, последние месячные.

В одной анкете было написано: «Сказала уже».

— . —

АЛЬТЕ ЗАХЕН

Альте захен, кто не знает, это на идише «старье».

Так, именно так кричат в мегафон арабские старьевщики, разъезжающие на полугрузовичках и почти задаром собирающие полуживые или вовсе неживые холодильники и телевизоры.

Мысленная реконструкция причин того, почему арабы кричат на идише, сама по себе может доставить удовольствие. Тем, кто понимает, конечно.

Встретились как-то у нас дома два моих институтских друга – один теперь москвич, другой – тель-авивец. В ткань неторопливой их беседы ворвался с улицы вопль.

– *Альте захен* – это «старые вещи» по-арабски, – важно пояснил тель-авивец.

И беседа потекла по прежнему руслу.

СТОЯНКА

Маленькая стоянка перед дневным стационаром. Больница достраивает новые корпуса, поэтому стоянка совсем маленькая, и туда разрешают проехать только пациентам дневного стационара, там получают химиотерапию онкологические больные.

На стоянке стоят хорошие, дорогие машины. Не распальцованные «Бентли» и «Мазерати», они у нас не в заводе, да и не стал бы я ради пошлой максимы, о тоже плачущих богатых, огород городить.

Стоят нестарые большие машины благополучных людей. За ними проглядывает не богатство, а прожитая в трудах жизнь, карьера, вознагражденные усилия, сезон сбора урожая. А тут, оказывается, и не до урожая.

Помните?

*Все стороны, все государства
глядят ко мне в моё стекло.
Не ограничено пространство,
Но время, время истекло.*

Печальное место – стоянка перед дневным стационаром.

— . —

Из разговоров военного времени.

– Это просто Божий промысел, что при такой плотности обстрелов практически нет жертв.

– У этого промысла есть конкретные названия. «Железный купол», например. Или «Инструкции службы тыла».

**«МАШИНА ВРЕМЕНИ»
НА СЛУЖБЕ У МИРОВОГО СИОНИЗМА**

Давняя история, ей самое малое лет пятнадцать.

Один из налаженных арабских бизнесов у нас – угон автомобилей.

Их перегоняют в арабские деревни, в ту же Газу. Разбирают на части, а части потом продают в автомастерские Израиля.

Страховые компании безропотно платят деньги, которые перед тем сами взимают с автовладельцев в виде немалых страховок.

Борются с ним не то чтобы рук не покладая. Так, периодически заодно с террористами прихватывают и угонщиков, за компанию.

На пропускных пунктах, в тех местах, где дорога пересекает пресловутую зеленую черту, солдаты пограничной службы внимательно осматривают въезжающие машины, а на выезжающие вполглаза поглядывают.

По всей видимости, та угнанная машина привлекла внимание «русского» парня, пограничника, диссонансом между ее видом и видом водителя. И он показал остановиться.

– Чья машина? – спросил пограничник небрежно.

– Моя, – уверенно ответил араб и, чтобы подтвердить свое полное владение этой тачкой, не менее небрежно толкнул пальцем диск (или еще кассету?).

Но когда из динамика грянуло: «Вот новый поворот!», пограничнику стало ясно, что арабский хлопек если и поедет дальше, то уже не за рулем.

ПРО ЧАПАН

ЧАПАН муж., вост. азым, крестьянский верхний кафтан; чапаном зовут и сермяжный, и синий, халатом или с борами, и даже полукафтанье, урал.-казач. род поддѣвки, стеганка.

Толковый словарь Даля

Несколько лет назад в завершение нашей показательной поездки в Ташкент (лекции, операции) на босса моего надели шитый золотом чапан, а мне вручили небывалой роскоши альбом старинных открыток (составил Голендер, освятила сиятельная дочка, печать – немецкая).

Весной еврейский маскарадный праздник Пурим всем отделением отмечали дома у босса. Он, ясное дело, вырядился баем. А что еще ему с золототканым подарком делать-то? Я, тонко поддержав игру, решил нарядиться ба-траком: простой чапан, чувская тюбетейка.

Мы с женой опоздали, не сильно, но когда пришли, почти все были в сборе, выпивали. Заходим. Пересекаем немалый двор, босс оживленно говорит, показывая на меня, но, когда я приближаюсь, поперхивается, явно тушует, замолкает.

Потом рассказал:

– Когда ты вошел, я с видом знатока говорю, мол, смотрите, у меня вещь декоративная, а на Книжнике одежда настоящая, аутентичная. И тут вижу, что на кармашке (!) твоего чапана вышито Calvin Klein, и затыкаюсь.

Дело в том, что у меня нет чапана. Когда уезжали, жена воспротивилась и чапану, и пиалушкам. Вот и пришлось надеть тонкий банный халат, серый, в мелкую полоску, который я привез из Америки.

Но тюбетейка у меня самая что ни на есть настоящая.

— . —

Как все коллекционеры, я свой интерес никогда не упускаю из виду.

Поэтому на перекуре между операциями в университетском госпитале Магдебурга поинтересовался, можно ли разжиться какими-нибудь больничными значками.

Местный профессор – поляк по происхождению, о чем он чуть-чуть излишне пошучивает.

И, чтобы довести ситуацию до кристальной чистоты, скажу: поляк у немцев в роли еврея. Вот он и говорит:

– Значки?! Ты что! Никаких значков, нашивок, шевронов. Никаких милитаристских атрибутов. После Второй мировой они все боятся этого как огня.

— . —

Когда я был старшеклассником, меня пытались убедить, что исход Великой Отечественной войны предрешила высадка десанта южнее Новороссийска. Не то чтобы я сильно в это верил, все-таки мама – историк, папа – на Курской дуге раненный пехотинец.

Судя по фильмам, которые сейчас показывают по российскому телевидению, войну выиграли СМЕРШ и НКВД.

— . —

Я крупно поспорил с Адамом, младшим одиннадцатилетним человеком.

На следующий день я получил мэйл, который был озаглавлен «Извините».

Иврит и совсем не патриархальные отношения в доме не заставляют ждать оборотов типа «простите, батюшка Михал Юрьич».

Но далее следовал текст письма: *Папа Я так сожалею, что сделал не был преднамеренным прощение.*

И сразу хорошо представляется складная ивритская фраза, которая послужила стройматериалом для этого гибрида постмодернистского шедевра с китайской инструкцией.

Помирились, конечно.

— . —

– Выходишь утром во двор, а там первое сентября, – сказала жена.

И ведь правда: и в Иерусалиме, и в Ташкенте утром первого сентября появляется зябкость и легкий запах осени.

— . —

Ресторан «Путин» в маленьком далеком Араде на заправке.

Честно сказать, я про Арад был лучшего мнения.

А вот народ мой меня нисколько не разочаровал.

Он разнообразен и многолик, мой народ. Даже с избытком.

И кадры свои я знаю.

В том же Араде, например, живет или жил раньше Амос Оз, писатель, который пишет не то чтобы плохо, но с прицелом на «нобелевку».

Писатели с разными прицелами пишут, кто – на «Новый мир», кто – на сериальную экранизацию, кто – на перевод, кто – на деньги, кто – на бессмертие. Оз пишет на «нобеля». Читать это можно, но не хочется. А видеть его демарши с посылкой своей новой книги в тюрьму убийце пяти мирных граждан, виновных лишь в том, что они израильяне, просто с души воротит. Кстати, Нобелевскую премию Оз получит лишь в том случае, если Израиль впустит того убийцу, начнет отдавать свои территории, станет несчастным и слабым.

Тогда его полюбит прогрессивное человечество и Нобелевский чуткий комитет.

А еще я вспомнил, как в 91-м приехал в Душанбе, ровно за год до того, как там полыхнуло. Но гарь будущей войны не составляло труда учуять в ветерке, слетавшем с гор на город. На главной улице, конечно – Ленина, меня удивил бар «Микеле Плачидо». Но тому было объяснение. Эротическую грезу советских женщин 70–80-х, комиссара Каттани, турбулентные вихри перестройки занесли сниматься на «Гаджикфильм». Бар, правда, стоял заколочен.

Интересно, а что связывает Путина с Арадом?

— . —

**ПАМЯТИ ИЦХАКА НАВОНА,
ПЯТОГО ПРЕЗИДЕНТА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ**

Среди ночи мне позвонили из приемного покоя, сказали, что есть пациент.

– Приходи побыстрее, – добавила дежурная медсестра.

Второй год мы жили в Израиле, несколько месяцев назад я сдал экзамен на врачебную лицензию и был страшно благодарен заведующему урологическим отделением больницы «Врата правды» за то, что тот смилостивился взять меня на работу.

Надо сказать, что и он, и другие следили, чтобы сосуд моей благодарности всегда стоял на маленьком огне, не остывая, но и не перекипая через край.

И уж совсем незадолго до той ночи мои познания в новой специальности, в древнееврейском языке, в больничном устройстве позволили оставаться ночным дежурным по отделению и приемному покою.

В одной из кабинок, на которые разделено занавесками приёмное отделение, сидели два пожилых человека. Когда я выполнил неотложную процедуру, для которой они и пришли среди ночи, и пациент облегчено притих, сопровождавший его джентльмен представился, расспросил меня, кто я да откуда.

А потом оба они, пациент и его спутник, поблагодарили меня и отправились восвояси.

Я приехал из страны, где существовали правительственные больницы, да еще трех или четырех уровней: не только для президентов, мэров, замов, чиновников, но и для их внучек и жучек.

Эти два старичка, спокойно, терпеливо и с достоинством дожидавшиеся помощи в приемном покое, многое мне тогда объяснили про Страну.

Про страну, где президенты сопровождают среди ночи своих родственников в больницу, довольствуются помощью дежурного врача и не требуют среди ночи главных и старших, где вся протекция заключается в уважительной просьбе дежурной медсестры: «Приходи побыстрее».

— . —

Уж не помню, как общий разговор вырвался на тему какого-то правительственного обещания, и Цыганов сказал, обращаясь ко мне:

— Но ты же этому не веришь? И я не верю. Недоверчивость у нас в крови. Мы недоверчивые, мы дети недоверчивых. Потому что доверчивых не осталось. Они сгорели в газовых печах, те, кто верили, что немцы — культурные люди, нация Гете и Шиллера.

То был год 87–88-й.

— . —

— . —

Известна интеллигентская дилемма прежних лет: чай–кофе, собака – кошка, Пастернак – Мандельштам, по которой опознаются близкие по составу крови люди.

А она продолжается в область поп-музыки той поры. Бернес – Утесов, Вертинский – Лещенко.

Правда, нанесенный временем слой патины и общее упрощение вкусов перевели эти пары в область если не элитарного, но уж винтажного искусства для знатоков, это точно.

И стало непонятно, почему они противопоставлялись друг другу.

— . —

СРЕДИ НАС, ЖАВОРОНКОВ

Хороший критик и мой виртуальный френд Инна Булкина написала: «Я жаворонок, я патологический жаворонок, нас таких меньшинство, и по утрам мы одиноки».

А потом пояснила, что встает в восемь.

Я вспомнил, как зимой 92-го оказался в Израиле, имея при себе договор с неким издательством на книгу о Стране.

Добросовестно собирая материал, я не мог не встретиться с главным репатриантом 90-х – Михаилом Козаковым.

Евгения Александровна Кацева снабдила меня письмом и передачкой – новыми книгами Фриша в ее переводе, хороший повод для знакомства.

Козаков сказал:

– Приходите завтра. Только пораньше. Я встаю очень рано. В одиннадцать я уже на ногах.

— . —

Сборище коллекционеров происходит в Иерусалиме раз в сезон в зале под трибунами стадиона «Тедди».

Приходят пожилые мужики, все больше «русские».

Отношения в коллекционерской среде непростые: взаимный интерес, подозрительность, недоверие, большие и нестандартные знания, которыми и поделиться хочется, и жалко, и нет другой среды, где так оценят.

Вход – десять шекелей.

Я дал сотню.

В сдаче потом, как берет с пером вместо потрепанной шляпы булгаковского буфетчика, обнаружилась монета в пять мексиканских песо.

Ну как, скажите, мне их не любить, мерзавцев?

— . —

Заканчиваю слушать «Семью Мускат» Башевиса-Зингера. Большой роман, слушаю его уже недели три.

Одного не могу понять: актера заставили это читать, угрожали, дверь поджигали? Или он сам выбрал? Или деньги небывалые посулили?

Но почему он все, то есть все еврейские слова произносит с неправильным ударением? Названия праздников, одежды, атрибутов, глав Торы, сама Тора – все с неверным ударением.

Спросить было некого?

Не хотел спрашивать?

Противно было?

Зачем тогда читал?

Непонятно.

Я СПИСОК КОРАБЛЕЙ ПРОЧЕЛ ДО ПОЛОВИНЫ...

Самолетам в России стали присваивать имена. Непривычно как-то. Но если корабль может называться «Михаил Светлов» или «Теодор Нетте», то чем самолет, спрашивается, хуже...

В Екатеринбург, на съезд, я летел через Москву. Это крюк, конечно, но он невелик. Вот у токийского профессора, рядом с которым мы сидели на перелете из Москвы в Екатеринбург, крюк тот охватил треть земного шара. То-то он все доставал из портфеля программу симпозиума и сразу падал в нее своим лицом интеллигентного самурая.

Из Тель-Авива меня вез борт имени Александра Александровича Блока. А вторую часть пути я проделал на «Николае Пирогове», хирурге и анатоме. Про себя я тогда отметил ту саркастичную тщательность, с которой судьба кладет свои петли.

Между лекциями, профессиональным трепом (я обнаружил два значения у последнего словосочетания, впрочем, оба подходят) и умеренным выпиванием я как нормальный израильтянин проглядывал новостные наши сайты.

Неспокойно у нас, беспокойно.

На обратном пути меня сначала подхватил старый знакомец «Николай Пирогов», а уж до дома довез «Багратион», полководец.

Так что могу смело сказать: если дорога туда напомнила мне, кто я, то обратная – где я.

— . —

Во Фландрии это заметно среди женщин, среди мужчин – тоже, но женщины особенно.

В ресторане, на улице, в магазине, в больнице ты узнаешь лица Ван Эйка и Ван Дейка, Брейгеля и Босха, Рембрандта, Рубенса, Вермеера. Они торопятся, разговаривают по мобильному, едут на велосипеде, а ты обалдеваешь от того, что они живые.

Прошло шестьсот или триста лет, а они все те же, знакомые, даже в чем-то родные.

— . —

В голливудских фильмах персонажи так заняты разговором, иногда самым пустяковым, что едят и пьют, совершенно не обращая внимания на пищу. В дорогом ресторане, в забегаловке, дома, добавляется сахар или кетчуп, открываются банки с коллой или пивом.

Ни разу не взглянув на тарелку, закидывают в рот куски еды, что-то откусывают из бумажного пакета.

Никогда по лицу не пробегает и тени удовольствия или хотя бы удовлетворения утоленной жажды.

— . —

Когда про 1917 год кино снимали большевики, то особо насмехались они над Керенским.

И фигляр он, и болтун, и в женском платье бежал.

То платье, говорят, его особо обидело.

Сейчас показывают новое кино про Распутина.

И царь в нем хороший, и Распутин – обаяшка и супермен.

И снова потешаются над Керенским. Но уже как бы с другой стороны.

Прежде смеялись слева, а теперь – справа.

А ведь кажется мне, что Александр Федорович, ташкентский человек, был настоящим шансом России.

— . —

На Мертвом море, увидев человека, намазанного подсыхающей грязью, несколько раз ловил себя на мысли: «Какая густая татуировка».

Раньше такой ассоциации не возникало.

Видно, тату не было настолько в повсеместном заводе, как нынче.

УЗБЕКСКИЙ РЕСТОРАН В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Вы знаете, как звали в Ташкенте мальчиков от смешанных узбекско-русских или узбекско-еврейских браков? Их звали Тимурами, реже – Назарами.

Ужинать мы пошли в узбекский ресторан. Говорят, что узбекская кухня сейчас в России в фаворе.

– Места только за баром, – сказал распорядитель, которого звали Тимуром.

Я мобилизовал все запасы моего узбекского и выдал фразу:

– Братишка, хорошее место сделай.

Место нашлось. И ужинали мы вполне вкусно.

Мимо меня прошел Тимур, склонился к моему уху и сказал:

– Я всю жизнь прожил здесь. По-узбекски не понимаю. Вы что тогда сказали?

— . —

В недавнем КВНе в якобы веселой якобы импровизации на сцену из жюри поднялся Михаил Галустян.

Обнаружилось то, что скрывал судейский столик: черный спортивный костюм с серебром и золотом, под стать ему кроссовки и зачем-то солнечные очки на воротке.

– И одет хорошо, по-армянски, – не преминул высказаться Масляков.

Все засмеялись. Только Гусман закрыл глаза ладонью. Он, дважды нацмен – еврей и кавказец, хорошо понял огнеопасность такой шутки.

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

Так получилось, что в прошлогоднюю снежную бурю я должен был выехать в соседнюю деревню, где застрял у друзей с началом снегопада наш сын Ури.

Часть дороги проходила по горам, заросшим лесом. И вот я прокладываю себе путь на джипике, который в России метко окрестили «паркетником». И вижу на дороге одинокого солдата. Невысокий, рыжий, замерзший. Из дражной перчатки торчит палец.

Что же такое?! Солдата бросили одного на дороге? Перчатками целыми не могли снабдить? Он машет, я останавливаюсь. Пока он идет ко мне, я успеваю заметить, что палец тот прорван расчётливо, для смартфона. Рыжий не спеша подходит и говорит:

— Постой, братан, здесь. Там бульдозеры дорогу расчищают. Кстати, ты можешь меня сфотографировать?

Он протягивает мне свой телефон, отходит на край дороги, поднимает руки и делает лучезарное лицо. На фоне заснеженного леса это смотрелось сильно.

— . —

«Вишневый сад» в иерусалимском театре «Хан» играют на иврите.

Любовь Андреевна. Продан вишневый сад?

Лопахин. Продан.

Любовь Андреевна. Кто купил?

Лопахин. Я купил.

И зал ахнул.

Даже завидно стало.

— . —

1 декабря 1988 года Александр Иосифович Цыганов приехал в Ереван на месячный курс повышения квалификации по ортопедии-травматологии.

А 7-го грянул Спитак.

Весь положенный для учебы месяц Цыганов принимал больных, оперировал, гипсовал, проводил спицы для скелетного вытяжения, делал ампутации.

Он рассказывал, что потребовалось ровно сутки после трагедии, чтобы силы и пространство вокруг нее организовались и начали получать дивиденды.

Те, кто действительно пострадал, был покалечен, потерял близких, лишился имущества, были вытеснены из центра образовавшегося шара, а в центре оказались те, кто стриг купоны. Речь идет не о материальной выгоде, вернее, не только о ней. Дивиденды были моральные, политические, имиджевые, какие угодно. Армяне и азербайджанцы, СССР и США, русская церковь и другие конфессии, поставщики гуманитарной помощи, ее получатели и распределители, французские спасатели и израильские спасатели, волонтеры, журналисты, у всех был свой профит.

И понадобилось ровно сутки, чтобы вся эта система зародилась и начала функционировать.

— . —

Неожиданную поддержку нашел у Макаревича:

Я, кстати, довольно давно перестал читать иностранную литературу, потому что у меня вдруг возникло ощущение, что я читаю не писателя, а переводчика. А язык – это все-таки музыка слов.

Хорошо помню, когда перестал читать переводные книги. Мне советовали немецкий, кажется, роман о юности Христа. Бестселлер, переведен на кучу языков.

Мария там кричит в окно: – Иисус, домой!

А он: – Мама, я еще с Мойшей поиграю.

Так и не узнал, что там дальше было.

— . —

ВК-06

— . —

ЭТО ОНИ ЕЩЕ МОЕГО ЗВУЧАНИЯ НЕ СЛЫШАЛИ

Да, я зарабатывал пением. Студентом на сборе хлопка, или «на хлопке», как говорят в Ташкенте.

Я пел между хлопковых грядок.

И однокашники отдавали мне собранные килограммы, чтобы я заткнулся.

Но вершинной моей певческой карьеры была роль ротного запевалы.

Целый месяц студенты из Узбекистана шли по июльскому плацу в туркменской пустыне под мою песню «Как дорога ты для солдата, родная русская земля».

Все было бы ничего, но я четко слышал «когда рогатые солдаты».

А дело в том, что «рогатыми» или «рогами» называли в Запорожье сельских парней, приехавших учиться в ПТУ. Ну, тех, кого в Ташкенте кличут «харыпами». Но я, как всегда, отвлекся.

— . —

БЕДРО ИСПУГАННОЙ НИМФЫ

У меня, как и у большинства, это самое бедро в первую очередь отзвякнуло Ильфом-Петровым.

Одеяло было атласное, розовое, цвета бедра испуганной нимфы.

Тем большим было мое удивление, когда я нашел этот цвет у Толстого, в первом томе «Войны и мира» он описывает панталоны Ипполита Курагина:

Он был в темно-зеленом фраке, в панталонах цвета suisse de nymphe effrayée, как он сам говорил, в чулках и башмаках.

И сразу Ильф с Петровым из одесско-гудковских зубоскалов сделались образованными литераторами, не чуждыми аллюзий и скрытых цитат.

Дальше больше.

Выяснилось, что «бедро испуганной нимфы» не выдумка Толстого. Так назывался сорт роз, выведенный парижским Мичуриным – Жан-Пьером Вибером – в самом начале XIX века. Чуть розоватые цветы получили название «бедро нимфы», за ними последовали цветы порозовее, они-то и стали пресловутым «бедром испуганной нимфы».

Селекционеры, они же еще и физиологи, знали, что нимфы с переляку краснеют. Вебер был фантазер, правда, с определенным уклоном, или, как говорила героиня Довлатова: «Одни гулянки на уме». У него появился и сорт «Цвет бедра взволнованной нимфы».

В России колористическая эта история приобрела новые характерные оттенки. В начале XIX века подкладка армейского мундира имела по уставу тот самый «цвет бедра испуганной нимфы». Википедия пишет про царствование Павла, но тут же противоречит себе: Павла придушили за год до успехов Вебера по селекции розовых цветов. Но, в общем, неважно, при каком самодержце были мундиры с бледно-розовыми подкладками. Правда, для солдат брали ткань дешевую, и расцветка ее выглядела иначе, чем офицерская, а потому получила название «цвет ляжки взволнованной Машки».

— . —

КАК ПРОСТО ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ИДИОТОМ

Вызов в больницу в пятницу вечером. Несколько случаев, которые не то чтобы срочные, но до начала следующей недели ждать не могут.

Первым идет молодой китаец.

После диагностической процедуры объясняю ему, что с операцией стоит повременить: есть шанс выздороветь от лекарств. А если не получится, то операцию не поздно сделать и через несколько дней.

Он вроде бы понимает иврит, чуток лопочет по-английски, но вот чтобы я был уверен, что он меня понял, так нет. Выхожу в комнату ожидания, куда уже прикатили кровать с дементной бабулей. Вижу на скамье молодую симпатичную китайку. Она неплохо понимает на иврите, и я сызнова объясняю про первого пациента и про выбранную тактику. Китайка удивленно меня выслушивает, периодически восклицая:

– Да?!

Такую реакцию я отношу на счет разницы культурных кодов. Пока наконец не выбегает медбрат и не шепчет:

– Она не с ним. Это сиделка следующей пациентки.

— . —

ЖЕЛЯБОВ В ЗАПОРОЖЬЕ

В Запорожье, на проспекте, на доме сталинской постройки висела доска, что Желябов здесь, в Александровске, готовил «замах на царя».

Если бы не цепкая от духовной бескормицы подростковая память, то я бы имени цареубийцы с Запорожьем не связал. Нигде и никак не использовалось, не обыгрывалось это местное участие в большой Истории, ни на уроках, ни на экскурсиях в местном музее.

Музей на моей памяти сменил уютный особнячок на красивое здание бывшей городской думы – обкома партии с мемориальным кабинетом Брежнева.

Запорожье, в 30-х сделав карьеру и дослужившись до областного центра, все равно сохранило в себе многие замашки уездного Александровска, так заметные на фоне губернского Екатеринослава-Днепропетровска, хотя и состояли они в одном звании.

Участия в большой Истории у Запорожья было не так уж много, но первомартовцев советская власть любила с оглядкой. Своим иступленным служением справедливости те скорее напоминали тогдашних диссидентов, чем одышливых партийных чиновников образца 70-х.

В Александровске Желябов с товарищами прожил несколько осенних месяцев 1879 года, закладывая по ночам в размокшую от дождей землю динамит по ходу царского поезда, ехавшего из Крыма. Взрыва не произошло.

Интересно, попадет ли та мемориальная доска под закон о декоммунизации? Ведь с одной стороны, народовольцы числились предтечами большевиков, но с другой – Желябов признавал право украинцев на выход из империи, был на связи с Драгомановым, звал его стать представителем «Народной воли» в Европе и хранителем архива партии.

— . —

ЖЕЛЯБОВ В ТАШКЕНТЕ

Заканчивая читать трифоновский роман о народовольцах, вспомнил давний рассказ.

В узбекских школах тему «Народной воли» особо не педалировали, а уж имени Желябова старались и вовсе не упоминать.

Дело в том, что в узбекском языке буква «ж» передается звуком «дж», а «джеляб» – по-узбекски «блядь».

Вот учителя и боялись дестабилизировать класс.

— . —

В нашем супермаркете пару месяцев назад появились две новых кассирши: молоденькие арабки, живые, приветливые.

Вскоре, проводя немалые свои недельные покупки, обнаружил, что бутылки с вином или водкой они берут в руки бумажкой и делают при этом такое лицо, что я сразу вспомнил своих однокурсниц, когда те учились вставлять мочевого катетер пожилым алкоголикам.

Да, рассуждал я, религия не позволяет им прикасаться к алкоголю, хотя бутылки запечатаны и манипуляции с бумажками – действие чисто символическое. Мне религия выпивать не запрещает, а иногда даже рекомендует. И место их работы находится не в арабской деревне, а как раз наоборот. Им неприятно прикасаться к бутылке, а мне неприятно, когда демонстрируют отвращение к моей покупке. С другой стороны, устраиваясь на работу, они знали, что супер торгует не только йогуртами. Нужно ли обратиться к завмагу с просьбой избавить меня от подобных демонстраций или передвинуть вешки моей толерантности еще на несколько сантиметров влево?

Так размышляю я уже второй месяц.

И в этих размышлениях я занимаю очередь в кассу к Миле, Симе или к Мире.

Мира из Румынии и учит меня готовить мамалыгу.

— . —

Говорят, что тонкий ручеек едущих в Израиль из России на ПМЖ окреп и расширился.

И даже закудрявился барашками, говорят.

Новая алия получила нехудожественное название «путинской».

Нашу-то называли покреативнее – «колбасной».

Эту могли назвать в пандан «сырной»: запрещенный пармезан стал такой же символически мотивирующей деталью, как в свое время сервелат.

Все высказывания русских израильтян предыдущих призывов, если спроецировать их на одну прямую, разделяются на два направления: благодушное «Велькам» (обязательно с мягким ближневосточным «л») и прапорское «А где они были, когда мы этот сад сажали?».

Вновь прибывшие тоже успели высказаться, что-то через губу, мол, вы тут ребята неплохие, но приплюснутые и без полета.

Это, собственно, все, что я про новеньких знаю.

Своего мнения у меня про них нет.

Потому что в глаза никого из них не видел.

Никто не приходил в больницу, не просился на работу и к другу моему, математику, никто с такими просьбами не лез, и в лабораторию, где изучают болезни крови, не приходили, жена говорит.

Как сказал один неглупый московский человек: «Оглядываясь вокруг, я вижу огромное число саунд-дизайнеров, но найти нормального слесаря – это катастрофа».

Почему-то мне кажется, что нынешняя алия, разбирающаяся в сортах сыра, не составит конкуренцию нам, приехавшим раньше.

На мои ночные дежурства претендентов не будет.

К сожалению.

А желающих продать раскрашенную дощечку по цене фаберже под рассказ о стильности именно такой раскраски – у нас пол-Тель-Авива. И живут они скромно, дощечки не очень-то берут.

— . —

Папа говорил:

– Французы – народ блядовитый, но День конституции уже двести лет празднуют в один и тот же день, А у нас только за мою жизнь этот праздник трижды переносился.

Пятое декабря, вспомнилось...

— . —

Несколько лет назад на пляже в Болгарии сыновья, устав от купания, отправились прогуляться вдоль берега. Мы-то понимали, что прогулка эта посвящалась сканированию барышень, загорающих топless. Меня как бывшего эндокринолога такой интерес только радовал.

Нагулявшись, они вернулись с точным и мужским выводом:

– Тех, кого и вправду хочется увидеть голыми, загорают одетыми.

То есть истинные ценности не подвержены девальвации.

Повторно с этой истиной, но в другом контексте мы столкнулись прошлым летом в Нью-Йорке. В Музее современного искусства Гугенхайма, в знаменитом спиральном здании на Пятой авеню, полном до крыши поисками современных художников в области языка и формы, полном инсталляций из ржавых гвоздей и картин с наклеенными старыми противогазами, можно фотографировать везде.

Везде кроме зала, где висят Дега, Пикассо, Тулуз-Лотрек, Ренуар, Кокошка.

То есть и там поняли, что настоящие красавицы не раздеваются на общественных пляжах.

— . —

26 АПРЕЛЯ

– Ай, Иосиф! Павла в другую часть переводят – в Чернобыль, так хотят все оформить до отъезда. А там и для Эммочки место есть – она узнавала, в медсанчасти. И Веня из армии вернется, там какое-то строительство громадное затевают – надо же ему где-то работать. У нас захолустье стало, работы не найдешь. И Златочка в Чернобыль переберется... И мы с тобой к детям под крыло... Это ж чистый рай! Одна Припять чего стоит! Йюся, мне кажется, мы с тобой начнем новую жизнь. Не обижаешься, что я так думаю? Не отвечай, а то я знаю, ты испортишь.

Маргарита Хемлин «Про Иосифа»

Вчера был у директора больницы, обсуждали необходимость покупки новой ангиографической установки.

– Вы старым аппаратом устраиваете нам Чернобыль, – говорю.

И он меня понял.

За тридцать лет название еврейского местечка стало нарицательным во всем мире.

А Ташкентское землетрясение, случившееся за двадцать лет до того, стало нарицательным только для ташкентцев.

Когда ташкентский человек говорит «до землетрясения», то понятно, что речь идет о времени до 5.23 утра 26 апреля 1966 года.

Как любой человек, говорящий по-русски, где бы он ни жил, какова бы ни была его биография, убеждения, вероисповедание, но «довоенный» для него это только одно: до 22 июня 1941 года.

И еще все эти годы меня беспокоит почти точное, с разницей в один час, совпадение этих двух событий: землетрясения и Чернобыля.

— . —

Холод для Израиля неорганичен. Поэтому уроженцы страны зимой выглядят то как наполеоновские солдаты на Березине, то как кубинские товарищи, приехавшие с официальным визитом в феврале в Москву в одинаковых колом стоящих пальтах.

— . —

О, этот зыбкий момент истории, когда секретарь становится генеральным секретарем.

Он есть в памяти каждого пожившего человека, и не только из книжек.

— . —

Судя по упорству, с которым Первый канал показывает мультик про бодро летящий мост через Керченский пролив, войну на своем востоке Украина выиграла.

— . —

ЭФФЕКТ МАЙОНЕЗА

Майонез, говорят, оказывает развращающее воздействие на человеческий вкус. Для тех, кто привыкает к майонезу, вкусное становится синонимом жирного. И человек перестает различать тонкие оттенки вкуса, перестает получать удовольствие от овощей, от хорошего мяса.

Недавно я закончил норвежский детективный роман: лихая интрига, серийный убийца-маньяк, сыщик – мизантроп и алкоголик, много расчлененки. Главный подозреваемый меняется трижды, роман-то длинный.

А следом за норвежской книгой у меня стоял первый том «Войны и мира», давно подбираюсь. Начинается разговор Анны Петровны Шерер с князем Василием Курагиным. Понимаю, что неплохо ведь написано, а вкуса не чувствую.

— . —

Когда-то, когда я был подростком, мы с отцом, гуляя по Москве, тогдашней нашей столице, зашли в музей Тимирязева. Запомнилось, что великий естествоиспытатель увлекался фотографией и дружил с художником Шишкиным, ездил с ним на натуру.

В экспозиции были черно-белые снимки видов, которые мы знали по конфетным коробкам, картинкам в «Родной речи» и холлах провинциальных гостиниц. Интересно было рассматривать ту прореху между снимком и картиной, в которую и помещалась субстанция, именуемая искусством.

— . —

Закончил читать «Войну и мир». Первый раз читал в школе, второй – сейчас. Будет ли третий?

— . —

Вот почему когда Толстой показывает людей, то они все у него моментально оживают, дышат, пульсируют, все: и Кутузов, и дядюшка Михаил Никанорович «чистое дело марш», и даже лиловая собачонка Каратаева.

А если говорят и ведут себя неестественно, так то живая, настоящая неестественность смущенного человека или неумного, и мы это чувствуем и понимаем. И язык у Толстого тогда гибкий, яркий, точный.

Но как только он берется рассуждать об истории, о войне, только начнет про «дубину народной войны», то моментально превращается в нудного, не очень умного, многословного говоруна-резонера, изъясняющегося стертым суконным языком.

В амбициозного тульского помещика из отставных офицеров. А если использует какую метафору, то замучает этой метафорой.

Словно другой человек писал.

— . —

Пару лет назад я написал, что Обама в Америке, Обама в России и Обама в Израиле – это три разных человека.

Прошло несколько дней после избрания нового президента, и полное впечатление, что в одной Америке – три разных Трампа, а сколько их по миру разбросано, глаза разбегаются...

— . —

Из рубрики «Орешек знаний тверд, но все же...»

Знаете ли, что экономка Шерлока Холмса миссис Хадсон и река Гудзон на самом деле однофамильцы? Просто их судьбы в русском языке сложились по-разному.

— . —

Коллега рассказал: его приятельница летела в одном самолете со Шнуром и его командой. Летели тихо, в эконом-классе, не красовались, внимания не привлекали, ничего не требовали. Но самое ужасное: сидели артисты позади рассказчицы, говорили негромко, как питерские интеллигенты, матом не пользовались даже для связок.

— . —

В иврите есть выражение *зевель шель бен-адам*, буквально – «человек-мусор».

Лексический слой немного помягче, но смысл тот же.

Адаму, нашему младшему сыну, было лет пять, и жили мы в небольшой деревне, в лесу, к югу от Иерусалима.

Мой приятель, коллега и односельчанин, продал дом, уехал, а меня попросил забирать почту.

Почта обычно переадресовывается, но некоторая часть корреспонденции еще долго проскакивает через ячейки сети.

Через месяц после отъезда приятелей мы с Адамом догуляли до их дома, и я постучал.

Новый хозяин стал мне раздраженно выговаривать, что я долго не приходил, что он не нанимался хранить макулатуру, что он все давно выбросил, но, может, пару конвертов еще завалилось.

Моментально вытащил те самые конверты, лежавшие, судя по всему, на расстоянии вытянутой руки, и захлопнул дверь.

Несколько опешив от такой беспричинной агрессии, я сумел только пробормотать под нос: «Зевель шель бен-адам».

Ну что за говно-человек.

Прошло несколько дней, и нас с Адамом отправили гулять за покупками в единственную в нашей деревне в ту пору лавку.

Лавка была в центре, и прикупить чего-нибудь по мелочи туда забегали многие.

Наверное, поэтому на кассе всегда была очередь.

Небольшая, но очередь.

Удобно увидеть знакомых, поболтать.

Пока я томился в очереди, Адам нарезал круги по округе.

Вдруг он прибежал и закричал звонко и ликующе:

– Папа, папа, смотри, вон человек-говно идет!

— . —

Появилось новое выражение:

Pocket call.

Уже признано Оксфордским словарем и удостоено статьи в Википедии.

Означает самовольно и наугад позвонивший кому-нибудь мобильник.

А вот по-русски это не звучит совсем.

А потому что прилагательное «карманный» имеет совсем иные смыслы.

Я насчитал четыре.

1. Компактный, удобный для ношения с собой. *Карманный фонарик, карманный ингалятор, карманные шахматы. На ножке карманном найдешь пылинку дальних стран.*

2. Маленький. *Карманная собачка. Карманный Наполеон.*

3. Подконтрольный, зависимый. *Карманный парламент.*

4. Собственно, принадлежащий карману, относящийся к карману. *Карманный клапан. Карманный вор.*

5. И стоящие особняком – *карманные деньги.*

Но я уверен, что русский язык извернется и найдет название этому явлению.

«Играть в карманный бильярд» в нашем кругу было эвфемизмом выражения «чесать яйца», то есть бездельничать, слоняться, засунув руки в карманы.

— . —

Как в конце сороковых – начале пятидесятых обязательным персонажем советских фильмов был симпатичный грузин с усами, так в нынешних российских сериалах непременно есть положительный молодой гебешник без лица.

— . —

Орловский журналист Андрей Чистов шел через парк тургеневской усадьбы Спасское-Лутовиново. Недалеко от пруда к нему шагнули два бородача. Один спросил:

– Скажите, пожалуйста, в этом пруду была утоплена Муму?

– Да, в этом.

– Ну, тогда не чокаясь, – сказал второй.

— . —

– Миша?

– Да.

– Говорит Софья Соломоновна, – голос взрослый, но не старый. – Мне ваш телефон дал Семен Викторович из Житомира. Я недавно перебралась в Израиль. Миша, мне нужна консультация гинеколога. Семен Викторович сказал, что вы можете меня устроить.

Вот убей меня, не пойму: почему она – Софья Соломоновна, Сеня, приезжавший к нам на стажировку лет пять назад, – Семен Викторович, а я – Миша? И кстати, какое отношение я имею к гинекологии?

— . —

Каждый выход брюссельского центрального вокзала охраняют несколько автоматчиков в бронезилетах и с примкнутыми магазинами.

Ни разу не видел у нас, в Израиле, чтобы гражданский объект охраняли с примкнутым магазином.

Спрашивается: так кто находится в состоянии войны – мы или они?

— . —

Из рубрики «Орешек знаний тверд, но все же...»

Пеппи Длинныйчулок на иврите зовется Бильби. А все потому, что настоящее, шведское её имя – Пиппи – и на иврите, и по-русски вызывает одинаковые ассоциации. Хотя языки эти и не родственные.

— . —

Ури тогда было лет пять, и Адам уже родился, жили мы в первом нашем доме в небольшом поселке в Иудейских горах.

Возвращаясь со службы, я увидел, что возле дороги чистят лес после зимы. Бригада рубила сучья, обломанные снегопадом, высохшие за год деревья.

За небольшие деньги договорился с работягами, и они засунули комель сосны в машину.

То была наша первая вторая машина, она просела, и фары от напряжения у нее «повылазили». Но бревно до дома она довезла, кряхтя и проклиная свой удел.

Бревно мы положили у ворот, там, где удалось его сгрузить, и сделалось оно завалинкой, на которой сживали в обыкновении незамысловатой деревенской жизни мы сами, наши соседи, окрестная пацанва.

Однажды, когда я возился во дворе, до меня долетел разговор с завалинки. Там сидел Ури, рожденный в конце прошлого века в иерусалимской больнице «Врата правды», и наш сосед Давид, уроженец Америки, отслуживший срочную в ЦАХАЛе, а сейчас – работник министерства иностранных дел.

– Понимаешь, Давид, – говорил наш ребенок, – когда мы вышли из Египта...

Короче, я окончательно понял, что приехал.

— . —

Стоит театру на просторах бывшего «нерушимого» – от Москвы до британских морей – поставить спектакль на еврейскую тему, какого-нибудь очередного Тевье на крыше или Беню Япончика, как он отправляется с этим представлением на гастроли в Израиль.

Они, видимо, считают, что нам здесь не хватает еврейской темы.

— . —

Напечатали карточку израильского детского доктора, который мальчиком снялся в известном советском детском фильме. Сейчас говорят «культовый», я бы тоже так сказал, если бы знал, как отличить культовый фильм от просто успешного.

Оказалось, что совсем не обязательно околачиваться по студиям в надежде сняться в эпизоде, тяжело пить, колоться, плакаться за кружку пива, что завистники затирают. Оказывается, в этот комплект не входит сбежавшая от пьяных дебошей жена, сменившая фамилию общему сыну на фамилию отчима, не входят – жизнь в сторожке далеко за городом, короткий тюремный срок, смерть в сорок от переохлаждения или угарного газа, от передоза, от пищеводного кровотечения, от паленой водки.

Участие в передаче «Пусть говорят» незадолго до смерти вместе с такими же наскоро отмытыми бомжеватыми кинозвездами прежних лет и целая передача «Чтобы помнили», вышедшая так скоро после смерти, что будит нехорошие подозрения.

Оказывается, можно выучиться на врача, незатруднительно для окружающих верить в Бога, читать лекции, служить в армии.

Что для этого нужно?

Иметь ли еврейский здравый смысл и недоверие к синим птицам самому или достаточно, чтобы эти качества наблюдались у заинтересованных и жестких родителей?

Не знаю.

Тридцать лет назад я гораздо лучше разбирался в воспитании детей, чем сегодня.

— . —

Мы, евреи, народ тяжелый.

Особенно когда мы у себя дома, в Израиле, и на изнанке сознания не отпечатана галутная максима, что по нам будут судить обо всем народе.

Тяжесть эта весьма далека от мифов, которые придумали про нас другие.

Прижимистость опротестовывается легкостью, с которой собирают деньги благотворительные марафоны или незнакомые люди подбрасывают несколько монет пацанам, обнаружившим на кассе, что не могут расплатиться.

Расчетливость опровергается безрассудными покупками, постоянными поездками за границу при скромных доходах.

Посмотрите на новенькие машины возле убогих домов в бедных районах или попробуйте втиснуться в Бен-Гурион на праздники.

Миф о еврейском уме разносят в пух и прах отряды абсолютных дураков.

Но!

Машина, внезапно кидающаяся тебе под колеса из соседнего ряда без намека на поворотники.

Сосед, паркующийся на двух стояночных местах.

Бабушка, которую ты любезно пропустил в узком проходе в супермаркете, застывающая в этом узком месте, чтобы неторопливо рассмотреть полки.

Толпа посетителей, вносящая тебя обратно в больничный лифт при попытке его покинуть.

У меня ушло двадцать лет, чтобы понять, что делается это не из хамства, не из жестокости, не из душевной грубости, а по причине тяжелого национального заболевания.

Я решил назвать его «синдромом Иисуса».

Дело в том, что каждый израильтянин знает, что сын Бога – это он.

Ну или в крайнем случае – дочь.

— . —

В Екатеринбурге открылся ресторан еврейской и китайской кухни «Шалом Шанхай».

И снова жизнь оказалась изобретательней и саркастичней.

— . —

Если человек иллюстрирует текст о дуэли Пушкина снимком Безрукова, то текст о Наполеоне он должен сопровождать фотографией торта.

— . —

Кстати, о двух совпавших сегодня таких разных праздниках, Хануке и Рождестве: расстояние между местами, где происходили празднуемые события, – километров десять, если по прямой.

— . —

В медицине лучше всего разбираются жены врачей после многих лет брака и дети их, уже к средней школе.

Они начинают потихоньку консультировать одноклассников, коллег по работе и даже соседей. Слова врачебные звучат в доме постоянно, а построить из такого «лего» хорошую фразу не составляет особого труда.

Советы эти вреда не приносят, поскольку наряду с глубокими познаниями врачебная родня впитывает в себя привычку не делать размашистых движений и оглядку на сохранность лицензии.

Я вспомнил об этом, когда прочитал, что рав Лицман порекомендовал не есть на Хануку пончики-суфганиёт, объясняя что-то про трансжиры и лишние калории.

Советы по здоровому питанию из уст раввина меня порадовали прежде всего потому, что он уже много лет командует Минздравом, то есть некоторым образом состоит в браке со всей нашей медициной.

Да и рекомендация, повторяю, вполне разумная.

— . —

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

(Из интервью Санджару Янышеву)

– Про «Записную книгу». Каково скрепляющее вещество этих «штучек» (кроме авторской памяти)? Кажется, что они, в отличие от аналогичных записей твоих предшественников (Чехова, Довлатова), никогда не выдавали себя за наброски: это самостоятельные произведения на стыке мифа и «анекдота из жизни» со своими устойчивыми персонажами (Шукурьч, Цыганов, Тётка Автора)...

– В первом томе «ЗК» (хороша аббревиатурка?) был какой-то замысел расположения фрагментов. Но потом я его просто забыл и уже не припомню. Но первый том писался подряд; то был момент, когда я понял, что по блокнотикам рассеян не просто текст, а текст абсолютно моего жанра. А второй том нарастает естественным путем, как дерево, что ли.

– Меняется ли механизм «производства» оттого, что тексты с некоторых пор вносятся не в блокнот, а в фейсбук?

– Ни к фейсбуку, ни к ЖЖ я тексты не приспособляю. Просто способы писания изменились вместе со мной.

– А персонажи, они ведь тоже меняются?

– Да, меняются, конечно: стареют, умирают. Иногда и после ухода продолжают оставаться персонажами, когда я расту до каких-то упущенных по молодости разговоров...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Том первый	9
Том второй	81
Том третий	133
Вместо послесловия	208

В «БИБЛИОТЕКЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО ЖУРНАЛА»
в 1999 – 2017 годах вышли книги:

- Дина РУБИНА «Высокая вода венецианцев»;
Елена АКСЕЛЬРОД и Михаил ЯХИЛЕВИЧ «Стена в пустыне»;
Юлий КИМ «Путешествие к маяку»;
Вениамин КЛЕЦЕЛЬ и Зинаида ПАЛВАНОВА
«Иерусалимские картинки» (1, 2);
Наум БАСОВСКИЙ «Полнозвучие», «Об осени духа и слова»;
Илья БОКШТЕЙН «Быть я любимым хотел»,
«Говорит звезда с луной», «Авангардист на крышу вышел»;
Дмитрий СУХАРЕВ «Холмы»;
Игорь ГУБЕРМАН «Книга странствий», «Гарики предпоследние»,
«Гарики из Атлантиды», «Вечерний звон»,
«Шестой Иерусалимский дневник», «Седьмой дневник»,
«Восьмой Дневник»; «Девятый Дневник»;
«ИЕРУСАЛИМСКАЯ АНТОЛОГИЯ»
(27 израильских художников в специальном цветном выпуске «ИЖ»);
Григорий КАНОВИЧ «Лики во тьме», «Облако по имени Литва»;
Марк ВЕЙЦМАН «Третья попытка», «Следы пребывания»;
Самуил ШВАРЦБАНД «Схолии»;
Марина МЕЛАМЕД «Перекресток желаний»,
«Под созвездием лягушки», «Иерусалимские акварели»,
«В Гефсиманском саду», «Пока цветёт миндаль...»
«Неизвестно что в золотых ботинках»;
Зинаида ПАЛВАНОВА «Счастье без прикрас»,
«Ближневосточница», «Энергия согласия», «Всё та же тайна»;
Евгения ЗАВЕЛЬСКАЯ «Времена речи»;
Александр КРЕСТИНСКИЙ «Дорога на Яффо»;
Алекс РЕЗНИКОВ «Иерусалим: улицы в лицах» (книга 2),
«Иерусалимский след» (книга 2), «Иерусалим в названиях улиц»;

Илья БЕРКОВИЧ «Стихи, написанные в Израиле»;
Эли БАР-ЯАЛОМ «Горизонтальная луна»;
Владимир ФРЕНКЕЛЬ «Другая осень»;
Марк БОГОСЛАВСКИЙ «Воробьиная ночь»;
Вильям БАТКИН «Талисман души»;
Илан РИСС «У разбитого горячего камня»;
Ирина РУВИНСКАЯ «Наперечёт»;
Юрий КАМИНСКИЙ «Вкус полыни»;
Рахель ЛИХТ «Семейные свитки»;
Хава Броха КОРЗАКОВА «Пятое послание», «Один шаг»;
НИКОЛЬСКИЙ «Каталог женщин»;
«Постоянное присутствие женщины»;
Лена ШТЕРН «Спустя три года»;
Елена ИГНАТОВА «Ранний снег»;
Евгений МИНИН «Погоня за ветром»;
Ася ВЕКСЛЕР «Еще не вечер»;
Ицхокас МЕРАС «На полпути»;
Леонид СОРОКА «СТИХЛЯШКИ»;
Лорина ДЫМОВА «Вальс в полночь»;
Алла БОССАРТ «Еду я на родину»;
Лорина ДЫМОВА и Леонид ВЕТШТЕЙН
«Кургуазные диалоги», «Шуры-муры»;
Семён КРАЙТМАН «Про сто так»;
Михаил ФЕЛЬДМАН «Хорошее и лучшее»;
Ирина ОЗЁРНАЯ «По ходу жизни»;
Елена АКСЕЛЬРОД «Забытые ключи»;
Семён СУШАНСКИЙ «Имена»;
Михаил ЗИВ «Из переписки с Лавинией»;
Игорь БЯЛЬСКИЙ «На улицу Хеврон»;
Давид МАРКИШ «Дар Иды и другие истории».

Готовятся к изданию
новые книги Татьяны АЗАЗ-ЛИВШИЦ, Игоря ГУБЕРМАНА,
Лидии СЛУЦКОЙ, Аллы ШИРОНИНОЙ

БИБЛИОТЕКА «ИЕРУСАЛИМСКОГО ЖУРНАЛА»

Михаил Книжник
ЗАПИСНАЯ КНИГА

Типография «Цур-От»
Иерусалим 2017

מיכאל קניז'ניק

ספר רשימות

ספריית "כתב-עת ירושלמי"
דפוס "צור-אות"
ירושלים, תשע"ה

Michael Knizhnik
THE BOOK OF NOTES

“Jerusalem Literary Review” Library

Zur-Ot Press
Jerusalem 2017

For contacts:
uknizhnik@yahoo.com
jerusalemreview@gmail.com

